

ПРОЕКТИВНЫЙ
СЛОВАРЬ
ГУМАНИТАРНЫХ
НАУК

М.Н. ЭПШТЕЙН

Энциклопедии, справочники, словари

Михаил Эпштейн

**Проективный словарь
гуманитарных наук**

«НЛО»

2017

Эпштейн М. Н.

Проективный словарь гуманитарных наук / М. Н. Эпштейн — «НЛО», 2017 — (Энциклопедии, справочники, словари)

ISBN 978-5-4448-0496-4

Словарь содержит системное описание понятий и терминов гуманитарных наук, включая философию (в том числе этику и эстетику), культурологию, религиоведение, лингвистику, литературоведение, а также гуманитарные подходы к природе, истории, обществу, технике. Словарь состоит из 440 статей, размещенных в 14 тематических разделах в алфавитном порядке. Особое внимание уделяется развитию новой терминологии, отражающей культурно-социальные процессы XXI века и методы интеллектуального творчества. Автор и составитель Словаря – известный российско-американский культуролог, философ, филолог Михаил Эпштейн, профессор университета Эмори (США) и почетный профессор Даремского университета (Великобритания). Разработанный им уникальный подход позволяет значительно расширить понятийную систему гуманитарных наук, связать их друг с другом и с теми творческими практиками, которые возникают на их основе. В словаре раскрывается конструктивный потенциал гуманитарных наук, способных не только изучать, но и формировать новые литературно-художественные и философские движения, интеллектуальные сообщества, культурные институции. Многие термины и концепты, впервые предложенные автором, уже вошли в научный обиход. Книга предназначена развивать инновационные навыки мышления у исследователей и студентов и адресована всем, кого интересует современная гуманистика как новый этап самопознания человечества.

ISBN 978-5-4448-0496-4

© Эпштейн М. Н., 2017

© НЛО, 2017

Содержание

Цель и построение словаря	6
КАК ПОЛЬЗОВАТЬСЯ СЛОВАРЕМ	12
СПИСОК СЛОВАРНЫХ ПОМЕТ	13
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	14
ВВЕДЕНИЕ. ГУМАНИТАРНОЕ МЫШЛЕНИЕ И ЯЗЫК	16
СЛОВАРЬ	21
ГУМАНИСТИКА В ЦЕЛОМ	21
АНТРОПОПОЭЙЯ	21
– ВОДСТВО	22
ВОЧЕЛОВЕЧЕНИЕ	22
ВСЕЧЕЛОВЕК	24
ВСЕЧЕЛОВЕЧЕСТВО	25
ГУМАНЕТИКА	27
ГУМАНИСТИКА	28
ГУМАНИТАРНОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ	32
ГУМАНИТАРНЫЕ ПРАКТИКИ И ТЕХНОЛОГИИ	35
ГУМАНОЛОГИЯ	36
ИНДИВИДЫ-УНИВЕРСАЛИИ	37
МИКРОЖАНРЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ	39
НАУКОВОДСТВО	40
РЕПОЗИТАРИЙ ГУМАНИТАРНЫХ ИДЕЙ	41
ТЕХНОГУМАНИЗМ	42
ТЕХНОГУМАНИСТИКА	43
ТРАНСГУМАНИСТИКА, ТРАНСФОРМАТИВНАЯ	45
ГУМАНИСТИКА	
ТРАНСДИСЦИПЛИНЫ, ТРАНСФОРМАТИВНЫЕ	47
ДИСЦИПЛИНЫ	
ЧЕЛОВЕК	49
ЧЕЛОВЕКОМЕРИЕ, ГУМАНОЦЕНТРИЗМ	49
ЭКОГУМАНИСТИКА	50
ФИЛОСОФИЯ	53
АЛЬТЕРОЛОГИЯ	53
АМБИ-	54
«В»	55
ВСЕРАЗЛИЧИЕ	57
ГРАММАТОСОФИЯ	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

М. Н. Эпштейн

Проективный словарь гуманитарных наук

Цель и построение словаря

*Я поглощен задачей отчитаться в алфавитном порядке перед самим собой во всем, что я должен думать об этом и том мире.
Вольтер, письмо 2-же дю Деффан*

Существуют разные типы словарей и энциклопедий; как правило, все они – дескриптивные, то есть описывают уже известные термины. Таков обычный путь терминов: от использования в текстах – к фиксации и систематизации в словаре. *Проективный словарь*, напротив, не регистрирует, а предвосхищает, проектирует будущие тенденции в развитии науки и культуры, очерчивает круг ее концептуальных и терминологических возможностей. К традиционному словарю обращаются за пояснением ранее встреченных слов, и там действует система отсылок «существующий текст – словарь». В проективном словаре действует противоположная связь: «словарь – потенциальный текст» – то есть текст, который может быть создан на основе словаря, с учетом того нового понятия, которое вводится в язык.

Данный Проективный словарь содержит 440 терминов-концептов, охватывающих общие проблемы гуманитарных наук, философию бытия и познания, общества и техники, этику, эстетику, религиоведение, культурологию, литературоведение, лингвистику и ряд новых, только возникающих дисциплин. Цель словаря – представить радикальное обновление понятийно-терминологического аппарата гуманитарных наук, ближайшие и отдаленные перспективы их развития. Словарь можно назвать *эвристическим*, поскольку он показывает разнообразные способы смысловотворчества, образования новых идей и понятий. В нем отражены интеллектуальные, языковые, социальные, технические процессы начала третьего тысячелетия, требующие новых способов артикуляции. Словарь вводит в гуманитарные науки методы *проективного мышления*, которое описывает не наличный объект, но возможность его конструирования. Сама логика развития информационного общества ведет к его переходу в *трансформационное*: вырастает удельный вес знания о том, чего еще нет, но что создается самой конструктивной способностью мышления.

Каждое новое знание расширяет область неизвестного, то есть прокладывает себе дальнейший путь к новому знанию. Вспомним известную классификацию наук Фрэнсиса Бэкона, который оставил в ней место для воображаемых и «желательных» дисциплин (*desiderata*):

«Итак, я, кажется, завершил наконец создание этого маленького глобуса интеллектуального мира, стараясь сделать его как можно точнее, обозначив и перечислив те его части, на которые, по моему мнению, не были до сих пор систематически направлены энергия и труд человечества и которые все еще остаются недостаточно разработанными»¹.

Бэкон полагал, что самое насущное и недостающее из искусств – это искусство создания новых искусств и наук. Данный Проективный словарь пытается по-своему решить эту задачу: продуцировать новые гуманитарные «искусства» или «технологии» (от греч. «технэ» – искусство, умение, ремесло) на основе гуманитарного познания.

---

¹ Бэкон Ф. Великое восстановление наук. <http://m.litread.me/read/5498/5082-6090?page=366> 545

Некоторые из понятий, введенные автором в ранее опубликованных работах и представленные в этом Словаре, уже вошли или входят в обиход гуманитарных наук, что свидетельствует об их эвристическом потенциале. На десятках тысяч русскоязычных и англоязычных сайтов употребляются, например, такие авторские термины:

- «метареализм» (1983 – дата первой публикации) – литературное и художественное движение 1970–1990-х годов;
- «транскультура» (1988) – пространство встречи разных культур;
- «видеократия» (1992) – власть визуальных образов над общественным сознанием;
- «хроноцид» (1999) – упразднение времени, характерное как для тоталитарных, так и для постмодернистских течений мысли.

В Словаре определяются и такие общеизвестные понятия, как «веселье», «душевность», «игра», «любовь», «молчание», «мудрость», «обаяние», «слово», «смысл», «судьба», «творчество». При этом они по-новому интерпретируются в контексте современных гуманитарных теорий либо приобретают терминологический статус, которого раньше были лишены. Известно, что философия – это любовь к *мудрости*, а психология – наука о *душе*. Слово – одно из основных понятий лингвистики, *любовь* и *творчество* – этики и психологии... Но самим этим понятиям уделяется мало внимания в рамках тех дисциплин, которые призваны их изучать. В редких философских или психологических словарях можно встретить статьи о мудрости или о душе – сами эти понятия считаются синкретическими, «донаучными». Хотя они постоянно используются в определении многих других терминов, подразумевается, что сами они лежат за пределами «научной» философии или психологии. Одна из задач Проективного словаря – артикуляция именно таких *центрообразующих пробелов* в терминологической системе гуманитарных наук, введение в нее таких понятий, которые раньше воспринимались как чисто интуитивные, принадлежащие повседневному языку (*выверт, глубина, интересное, событие, упаковка* и т. п.).

Это относится также к служебным словам и к наименьшим значимым единицам языка – морфемам. Бертран Рассел в свое время сетовал, что в системе философских категорий, как правило, представлены только имена существительные («бытие», «сознание», «идея», «материя» и т. п.) и отсутствуют глаголы, предлоги и другие служебные части речи, которые указывают на более глубинные понятийные связи. «Прилагательные и имена нарицательные выражают качества или свойства единичных вещей, тогда как предлоги и глаголы большей частью выражают отношения между двумя и более вещами»². Проективный словарь пытается восполнить этот пробел и ввести в систему гуманитарных наук более динамические, релятивные понятия, выраженные глаголами и другими частями речи и элементами слова. В частности, самостоятельные статьи посвящены концептам, выраженным глаголами «обыгивствовать», «божествовать», «смертствовать», предлогу «в», артиклю «the», приставкам «амби-», «гипер-», «гипо-», «нега-», «недо-» и «прото-», суффиксу «остн-» и знаку пробела «>»³.

Словарь предназначен будить *теоретическое воображение* исследователей и стимулировать их обращение к экспериментальным практикам, которые формируются на основе теорий, подобно тому как технологии формируются на основе естественных наук.

Словарь может использоваться как инструмент методологического обновления гуманитарных наук в нынешний период их относительной стагнации, когда они рискуют превратиться в то, чем стало в Новое время изучение мертвых языков, – знак культурной утонченности, уже избыточной в техноцентрический век. Словарь демонстрирует, что у гуманитарных наук есть

² Рассел Б. Проблемы философии (1912). Цит. по: Universals and Particulars: Readings in Ontology, / Ed. by Michael J. Loux. Notre Dame, London: University of Notre Dame Press, 1976. P. 27–28.

³ Подробнее см. в статьях «Грамматософия», «Частотный словарь как картина мира», «Тэизм», «>».

высокий творческий потенциал и что их роль, не ограничиваясь изучением прошлого, формирует будущее человечества, пути его самосознания и самосозидания.

Эта книга – итог почти полувековой работы автора в разных областях гуманитарных наук. Я получил филологическое образование в МГУ и первоначально специализировался по теории литературы и эстетике. В 1980-е годы, в связи с формированием новых литературных и интеллектуальных движений в СССР, я задумался о том, как гуманитарные науки, в том числе филология, эстетика, поэтика, могут воздействовать на развитие самой литературы, способствовать самоопределению ее нарождающихся течений, таких как метареализм и концептуализм. В 1990-е годы я занимался проблемами постмодернизма и становления новой культурной формации, идущей ему на смену (книги «After the Future», 1995; «Постмодерн в русской литературе», 2005). Одновременно меня привлек междисциплинарный подход к сопоставлению и взаимодействию разных культур, в частности российской и американской («Transcultural Experiments», 1999). Постепенно мои интересы перемещались в область философии, в частности теории модальности («Философия возможного», 2001), а также новейшей теологии, исследующей духовное состояние постатеистического общества («Религия после атеизма», 2013). В 2000-е годы у меня возник интерес к лингвистике и ее трансформативному потенциалу – воздействию на развитие языка, расширению лексико-морфологической системы («Дар слова. Проективный лексикон русского языка», 2000–2016). Наконец, в последние 15 лет меня все больше волнует судьба гуманитарных наук в целом и перспектива развития на их основе практик и технологий, воздействующих на жизнь общества. Об этом – книги «Знак пробела. О будущем гуманитарных наук» (2004), «The Transformative Humanities: A Manifesto» (2012) и «От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки изменяют мир» (2016). Таким образом, этот Словарь выступает как своего рода синтез моих предыдущих работ в разных гуманитарных областях.

В целом работа над Словарем продолжалась 34 года (1982–2016)⁴. Замысел словаря как особого проективного жанра возник у меня в 1984 году. Я размышлял над значением странного термина «агностический гностицизм», который пришел ко мне в связи с чтением романа В. Набокова «Приглашение на казнь». Вдруг мне ясно представилась книга, вмещающая возможные термины самых разных систем мысли, насколько их дано охватить моему сознанию. Эта воображаемая книга имела форму словаря, в котором все слова и понятия не просто следовали друг за другом на плоскости листа, но определялись друг через друга и пересекались своими значениями и толкованиями, то есть это была стереометрическая книга. Каждое слово было выделено курсивом и как бы прошито яркой нитью, которая связывала его напрямую с другими словами – не через поверхность текста, а насквозь, через третье измерение книги. В 1995 году я узнал это пространство на экране компьютера, когда передо мной впервые замелькали страницы Интернета.

Меня всегда привлекали и вдохновляли словари, написанные одним автором, такие как «Поэтический словарь» А. Квятковского (1940, 1966), «Ключевые слова: Словарь культуры и общества» Рэймонда Уильямса (1976), «Концепты. Словарь русской культуры» Ю. Степанова (1997), «Философский словарь» Андре Конт-Спонвиля (2001), «София-Логос. Словарь» С. Аверинцева (2005). Эти компендиумы идей и терминов, продолжая традиции «Исторического и критического словаря» П. Бейля (1697), несут отпечаток авторской личности и по сути являются самостоятельными произведениями гуманитарной мысли в жанре словаря. В них все статьи связаны общим замыслом, отсылают друг к другу и выступают как главы единой книги.

---

⁴ Первые термины 1982 года, вошедшие в Словарь, относились к советскому идеологическому языку и к новым поэтическим движениям того времени («идеоязык», «тетрада», «конверсия оценочная», «метареализм», «концептуализм», «метаболо»).

Этот Словарь – тоже авторский, причем в двойном смысле. Все статьи в нем написаны одним автором; и большинство концептов и терминов в этом словаре принадлежит ему же. Словарь задуман не только как справочное пособие, но и как форма выдвижения и обоснования новых идей в основных областях гуманитарных наук. Весь словарь в целом – это своего рода *перформативное* высказывание, которое, как известно, отличается от констатаций и дескрипций: оно осуществляет то, о чем сообщает, самим фактом высказывания. Такие высказывания, как «обещаю» или «договорились», сами вводят в действие то, о чем говорят (обещание или договор). Так и проективный словарь самим фактом сообщения об определенных идеях и терминах стремится ввести их в действие, в область гуманитарных теорий и интеллектуальных практик. Перформативный словарь – это действие в сфере языка и культуры.

Одной из главных сложностей при работе над Проективным словарем была необходимость совмещения в нем двух дискурсивных уровней: предметного и собственно словарного. В обычном, дескриптивном словаре описываются термины, ранее уже бывшие в употреблении, и словарная статья опирается на большой массив текстов. Например, хорошо известные термины «реализм» или «феномен» в словарях по литературе или философии толкуются на основе множества ранее опубликованных работ по этим темам. В Проективном словаре такие статьи, как «метареализм» или «тегимен», исходно опираются на исследования и публикации самого автора и совмещают в себе черты «первотекстов» и «второтекстов», то есть дискурса, подлежащего описанию, – и собственно словарного метадискурса. Представляя новые концепты, словарь предназначает их для последующего использования читателями, которые тем самым потенциально становятся соавторами Словаря, участниками перформативных речевых актов.

При делении словаря на тематические разделы основное внимание, естественно, уделялось дисциплинам, мне особенно близким: философии, культурологии, литературоведению, лингвистике, религиоведению. Однако гуманитарные науки – это не только набор устоявшихся дисциплин, но и формирование новых проблемных полей. Можно гуманитарно мыслить не только о личности, поэзии, языке, но и о космосе, жизни, природе, естествознании, технике... Гуманитарные идеи и термины, относящиеся к этим негуманитарным предметам, тоже составляют тезаурус гуманистики. Поэтому композиционное деление Словаря проходит как по собственно дисциплинарным, так и по тематическим и проблемным линиям.

«Словарь» состоит из четырнадцати разделов, которые следуют в определенном предметно-тематическом порядке. Сначала от общих вопросов гуманистики – к философии и таким ее разделам, как онтология (бытие и мир), эпистемология (мышление и познание), модальность (потенциальность и творчество). Далее рассматриваются центральные темы гуманитарных исследований: время и история, религия, личность и этика, культура и эстетика, литература, текст, язык. Последние разделы обращаются к тем сферам человеческого бытия, где гуманистика пересекается с интересами других дисциплин – биологических, социальных, технических: жизнь и тело, общество и политика, техника и информатика. Разумеется, жанр словаря не предполагает чтения всех разделов именно в такой последовательности – выбор зависит от интересов читателя. Для общей ориентации в проблематике словаря рекомендуется вначале познакомиться с первым разделом «Гуманистика в целом» (особенно со статьей «Гуманистика»). Внутри каждого раздела термины даются в алфавитном порядке.

В Словаре охватываются далеко не все области гуманитарных наук. Антропология, историография и этнография, а также дисциплины, изучающие конкретные виды искусства (искусствознание, музыковедение, театроведение, киноведение), в нем практически не представлены: отчасти потому, что некоторые из них за последние десятилетия сдвинулись в сторону общественных наук, отчасти просто в силу неизбежной ограниченности авторских знаний и интересов. Вместе с тем акцентирована та проблематика, которая раньше считалась маргинальной для гуманитарных наук, – их пересечения с биологией, техникой, информатикой,

когнитивистикой, теорией модальностей, теорией искусственного интеллекта и виртуальных миров, что отражает новейшие тенденции междисциплинарного сотрудничества. Для будущего гуманистики мне представляется особенно важным ускоренное формирование таких проблемно-тематических областей, как «техника, Интернет» (и соответствующих дисциплин – *техногуманистики, техносфий* и др.), «жизнь, тело, эрос» (*виталистика, хаптика, эротология*) и «творчество и модальность» (*креаторика, потенциология, проективные методы*).

Структура Словаря позволяет проецировать один и тот же концепт на разные дисциплинарные области. Например, понятие «техномораль» может рассматриваться и в разделе по технике, и в разделе по этике. Куда отнести «экофашизм» (экологический экстремизм): к разделу о жизни и природе – или об обществе и политике? Поскольку новое понятие-термин часто образуется именно на границе нескольких дисциплин, оно по сути может принадлежать им всем. Эта проблема «трехмерности» словарного континуума в принципе была бы решаемая его представлением в виде гипертекста, где каждый термин входил бы в разные рубрики и пересекался бы с другими, как «образ входит в образ и как предмет сечет предмет» (Б. Пастернак). В данной бумажной версии этот вопрос рубрикации термина каждый раз решался индивидуально. Междисциплинарный характер ряда концептов отражен в Предметно-тематическом указателе в конце книги: многие термины, включенные в основной раздел, вместе с тем представлены и в других разделах, так что ясно обозначены те комплексные понятия, где дисциплины пересекаются.

Одна из особенностей Словаря – системный подход к построению новых концептов. Каждый тематический раздел содержит термины, характеризующие разные аспекты и уровни обобщения данной дисциплинарной области. Например, термины, относящиеся к разделу «Язык. Лингвистика», указывают на общие категории лингвистики и подсистемы языка (*импликосфера, идеоязык*), на новые подходы к языку, в том числе философские (*грамматософия, скрипторика, частотный словарь как философская картина мира*), способы лексико-грамматического развития языка (*лингводизайн, проективный словарь, семиургия, синтез языка*), разные типы речевых актов (*контраформатив, трансформатив*), способы словообразования и создания вербальных концептов (*оксюморонимы, синантонимы*), типы новых слов (*однословие, протологизм, футурологизм*) и т. д. Таким образом, каждая предметная сфера выстраивается многоуровнево, иерархически, как система логически соотнесенных и соподчиненных понятий, структурно дополняющая алфавитный порядок расположения терминов внутри каждого раздела.

Словарь в целом носит системный характер, но это особый тип *центробежной* системы, которая предполагает артикуляцию множественных понятий, не сводимых к одной компактной схеме, предельно общему изначальному понятию. Такая центробежная система понятий, расходящихся в разные предметные области, отличается от более известных центростремительных систем, образцом которых является «Энциклопедия философских наук» Гегеля. Центробежный тип мышления не подчиняет весь материал истории и культуры общему исходному принципу, а, напротив, порождает «расширяющуюся вселенную» многообразных интеллектуальных практик и дискурсов, которые все дальше удаляются друг от друга в пространстве потенциальных прочтений и текстов. Эта открытая система построена на доверии к читателю как сомышленику и сотворцу. Среди статей Словаря, с которыми было бы полезно в первую очередь познакомиться для понимания этой центробежной модели: *Всеразличие, Гипотетизм, Гуманитарное изобретение, Интересное, Концептивизм, Креатема, Потенциация, Творчество, Транскультура, Умножение сущностей*.

Все статьи связаны системой взаимоссылок, следуя которым Словарь можно читать как гипертекст – самостоятельное произведение в жанре «гуманистики»: не внутри отдельной дисциплины, а в пределах всего гуманитарного поля. Те работы автора, к которым отсылает Словарь, могут рассматриваться как внешний круг этого произведения, как «засловарье», расши-

ряющее его объем. Словарь-гипертекст вводит в знаковую систему культуры новые концепты актом их манифестации – и предполагает дальнейшее «самовозрастание логосов», развитие понятий и терминов в новых текстах, создаваемых на основе данного словаря или по его мотивам.

* * *

Я благодарен известному филологу профессору РГГУ Александру Махову, который любезно согласился ознакомиться с несколькими разделами Словаря и дал мне ряд ценных советов по организации и оформлению материала.

Я глубоко признателен моей жене Марианне Таймановой за неустанное чтение и правку Словаря во всех его версиях и за множество идей и советов, которые в огромной степени определили процесс моей работы.

КАК ПОЛЬЗОВАТЬСЯ СЛОВАРЕМ

В отличие от обычного справочного пособия, основной способ использования данного Словаря – *проективный и экспериментальный*: освоение тех идей и понятий, которые могут определять новые направления исследовательской и учебной работы. Поиск концептов может осуществляться по тематическим разделам, по дисциплинам и проблемам, интересующим читателя, который приглашается следовать по отсылкам к другим терминам и подробнее знакомиться с ними по приведенным источникам, многие из которых доступны в сети. В начале каждого раздела дается список относящихся к нему терминов, а алфавитный и предметно-тематический указатели в конце книги позволяют кратчайшим путем переходить из раздела в раздел.

Словарные статьи построены единообразно: заглавное слово, его перевод на английский язык, составные элементы и способ образования, дефиниция и мотивировка введения в понятийный аппарат данной дисциплины, соотношение с другими концептами, ссылки на источники.

Заглавные термины в начале каждой статьи выделяются прописными буквами и жирным шрифтом, а ударная гласная – курсивом. Другие новые термины, соотносительные с заглавным и не имеющие самостоятельных статей в словаре, выделяются жирным курсивом, и также дается их английский перевод. Например, в статье «**ГИПЕР-**» (hyper-) выделены такие понятия, как «*гиперматериальность*» (hypermateriality), «*гиперсексуальность*» (hypersexuality), «*гиперсоциальность*» (hypersociality), которые рассматриваются только внутри данной статьи. Соответственно, в указателях эти термины даны с отсылкой «см. Гипер-».

Звездочка (*) в тексте статьи служит знаком отсылки к другим статьям, и их названия выделены курсивом. Этот же знак (*) используется в конце статьи для ссылки на смежные, тематически связанные понятия. Они даются в алфавитном порядке, и самые важные из них, прямо продолжающие или разъясняющие тему данной статьи, выделяются курсивом. Например, к статье **СУДЬБА** дается список терминов, где освещается близкая проблематика, из них три выделены курсивом, поскольку имеют самое прямое отношение к теме судьбы: *Выверт, *Жизнь как тезаурус*, *Ирония бытийная*, Реверсивность, Своечуждость, Суб-объект, *Фатумология*.

Далее приводятся источники – те работы, где понятие впервые вводится в употребление или где с ним можно подробнее ознакомиться. Если в ссылке на источник отсутствует указание на авторство, то по умолчанию предполагается, что оно принадлежит автору-составителю словаря. Заглавия книг сокращаются до одного слова и выделяются курсивом. Название главы или раздела книги приводится в тех случаях, когда оно проясняет специфический контекст использования термина.

Если значение термина/концепта соотносится с работами других авторов и проясняется в их контексте, дается список литературы с указанием «Лит.».

СПИСОК СЛОВАРНЫХ ПОМЕТ

ЗАГЛАВНОЕ СЛОВО – прописными буквами, жирным шрифтом, ударные гласные курсивом.

Жирный курсив – понятия, связанные с заглавным и вводимые только в данной статье.

* – отсылка к другой статье словаря. Этот знак, звездочка, встречается как внутри статьи, так и в ее конце, перед списком относящихся к ней терминов.

Курсив после * – термин, к которому дается отсылка.

Курсив в списке ссылок в конце статьи – указание на те статьи, которые наиболее важны для понимания данной.

Источники в конце словарной статьи: если не указано имя автора публикации, она принадлежит составителю Словаря.

Лит. – литература по теме статьи.

– знак стрелки используется только в указателях в конце книги и означает отнесенность данного термина к другому тематическому разделу или к статье о другом термине.

Ряд терминов впервые был введен в публикациях в журналах, как научных, так и литературно-художественных: «Вопросы философии», «Философские науки», «Новое литературное обозрение», «Вопросы литературы», «Вопросы языкознания», «Московский психотерапевтический журнал», «Звезда», «Знамя», «Новый мир», «Континент», а также в газетах: «Новая газета» (где в ряде выпусков печатался «Политикон»), «Независимая газета», «Новое русское слово» и др. Во многих случаях термины-концепты были впервые предложены в электронных публикациях: в авторской сетевой рассылке «Дар слова» (2000–2016, 426 выпусков), на лингвистическом сайте Gramma.ru, в блогах автора в Живом Журнале и Фейсбуке, в сетевых сообществах «Имхонет» и «Неологизм года», в сетевых журналах: «Русский журнал» (где в 2002–2003 годах выходили выпуски «Дара слова»), Grani.ru, «Веер будущих» (2000–2003), «Топос», «Сноб», «Частный корреспондент» и др.; а также на англоязычных сайтах: Urban Dictionary, Pseudodictionary, Merriam-Webster Open Dictionary и др. Ограниченный объем Словаря не позволяет включить все эти сведения, но поиск по «Гуглу» или «Яндексу» поможет читателю установить время публикации терминов и их первоначальный контекст.

Заглавия книг и других работ автора, на которые чаще всего даются ссылки, приводятся ниже.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Возможное.* – Философия возможного. СПб.: Алетейя, 2001. 334 с.
- Дар.* – Дар слова: Проективный словарь русского языка. Периодическая электронная рассылка, 2000–2016 (указывается выпуск и дата) ⁵.
- Début.* – Début de siècle, или От Пост- к Прото-: Манифест нового века // Знамя. № 5. 2001. С. 180–198.
- ЖЖ* – Клейкие листочки: Философско-филологический дневник М. Эпштейна в Живом Журнале ⁶.
- Знак.* – Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 864 с.
- Ирония.* – Ирония идеала: Парадоксы русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 384 с.
- Конструктивный.* – Конструктивный потенциал гуманитарных наук (на рус. и англ. яз.). М.: РГГУ, 2006. 74 с. (Серия «Зарубежные ученые в РГГУ».)
- Листочки.* – Клейкие листочки: Мысли вразброс и вопреки. М.: Арсис, 2014. 272 с.
- Любовь.* – Sola Amore: Любовь в пяти измерениях. М.: Эксмо, 2011. 496 с.
- Неология.* – Проективный словарь русского языка. Неология времени // Семиотика и авангард: Антология / Ред. – сост. Ю. С. Степанов, Н. А. Фатеева, В. В. Фещенко, Н. С. Сироткин. Под общ. ред. Ю. С. Степанова. М.: Академический Проект; Культура, 2006. С. 1031–1076.
- Образ.* – Вера и образ: Религиозное бессознательное в русской культуре XX века. Tenafly (New Jersey): Hermitage Publishers, 1994. 270 с.
- Парадоксы.* – Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX – XX веков. М.: Сов. писатель, 1988. 416 с.
- Политика.* – От совка к бобку: Политика на грани гротеска. Киев: Дух і Літера, 2016. 312 с.
- Политикон.* – Политикон. Словарь новейших понятий. *Новая газета*. 10 пятничных выпусков, 18.4.2008–17.10.2008.
- Постмодерн.* – Постмодерн в русской литературе. М.: Высшая школа, 2005. 495 с.
- Поэзия.* – Поэзия и сверхпоэзия. О многообразии творческих миров. СПб.: Азбука, 2016. 480 с. (Серия «Культурный код»)
- Природа.* – «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990. 304 с.
- ПФС.* – Проективный философский словарь: Новые термины и понятия / Под ред. Г. Л. Тутьчинского и М. Н. Эпштейна. СПб.: Алетейя, 2003. 512 с. ⁷
- Религия.* – Религия после атеизма: Новые возможности теологии. М.: АСТ-пресс, 2013. 416 с.
- Сектантство.* – Новое сектантство. Типы религиозно-философских умонастроений в России 1970–1980-х гг. Самара: Бахрах-М, 2005. 256 с.
- Слово.* – Слово и молчание. Метафизика русской литературы. М.: Высшая школа, 2006. 560 с.
- Творчество.* – От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки изменяют мир. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 480 с. (Серия «Humanitas».)

---

⁵ <http://www.emory.edu/INTELNET/dar0.html><http://subscribe.ru/catalog/linguistics.lexicon>

⁶ <http://mikhail-epstein.livejournal.com/>

⁷ Словарь содержит 165 статей 11 авторов.

Тело. – Философия тела. СПб.: Алетейя, 2006. 194 с.

Учение. – Учение Якова Абрамова в изложении его учеников // ЛОГОС. Ленинградские междунар. чтения по философии культуры. Кн. 1. Разум. Духовность. Традиции. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. С. 211–254.

Эссе. – Все эссе: В 2 т. Т. 1. В России (1970–1980-е); т. 2. Из Америки (1990–2000-е). Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 544 с. + 704 с.

Юность. – Энциклопедия юности (в соавт. с Сергеем Юрьененом). Нью-Йорк: Franc-Tireur USA, 2009. 477 с.

Future. – After the Future: The Paradoxes of Postmodernism and Contemporary Russian Culture. Amherst: University of Massachusetts Press, 1995. 392 pp.

Cries. – Cries in the New Wilderness: from the Files of the Moscow Institute of Atheism / Trans. and intr. by Eve Adler. Philadelphia: Paul Dry Books, 2002. 236 pp.

Humanities. – The Transformative Humanities: A Manifesto. New York and London: Bloomsbury Academic, 2012. 318 pp.

Postmodernism. – Russian Postmodernism: New Perspectives on Post-Soviet Culture (with Alexander Genis and Slobodanka Vladiv-Glover). New and Revised edition. New York, Oxford: Berghahn Books, 2016. 580 pp.

Predictionary. – PreDictionary: An Exploration of Blank Spaces in Language. San Francisco: Atelos, 2011. 155 pp.

Relativistic. – Relativistic Patterns in Totalitarian Thinking: An Inquiry into the Language of Soviet Ideology. Kennan Institute for Advanced Russian Studies, Occasional Paper. No. 243. Washington: The Woodrow Wilson International Center for Scholars, 1991. 94 pp.

Spirituality. – Russian Spirituality and the Secularization of Culture. New York: Franc-Tireur USA, 2011. 135 pp.

Transcultural. – Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication (with Ellen Berry). New York: St. Martin's Press, 1999. 340 pp.

«. – «». New York: Franc-Tireur USA, 2011. 60 pp. [на англ. яз.]

В приложениях приводятся алфавитные указатели статей и отдельных терминов, системный предметно-тематический указатель, а также лексические и морфологические группы терминов. В каждом разделе предметно-тематического указателя есть два рода помет: рекомендательные – указание на опорные статьи данного раздела, с которых целесообразно начинать знакомство с его содержанием; перекрестные – указание на термины, помещенные в другие разделы, но тематически связанные с данным (например, термин «техномораль», принадлежащий разделу «Техника. Интернет», указан и в разделе «Личность. Этика»). В конце книги помещаются ее краткое изложение и оглавление на английском языке.

ВВЕДЕНИЕ. ГУМАНИТАРНОЕ МЫШЛЕНИЕ И ЯЗЫК

...Отношение понятия к языку не сводится только к критике языка, но включает также и проблему отыскания языка. Вот что представляется мне поистине великой, захватывающей драмой философии: что философия – это постоянное усилие отыскания языка или, скажем с еще большим пафосом, постоянная мука нехватки языка... Словесная находка играет в философии явно исключительную роль.

*Г. – Г. Гадамер*⁸

Зачем нужны новые термины?

Поскольку мышление осуществляется в языке, то всякая новая мысль требует нового выражения, а радикально новая мысль, парадигмальный сдвиг в науке – новой системы терминов. Создатель влиятельной школы и методологии ТРИЗ (Теория решения изобретательских задач) Г. С. Альтшуллер подчеркивал, что изобретательство требует изменения смысла существующих терминов или создания новых терминов, отвечающих интеллектуальному прорыву в решении технических задач. «Исходная терминология сковывает воображение изобретателя. Семинары по методике изобретательства показали, что успешное решение задачи во многом определяется умением “расшатать” систему исходных представлений»⁹.

Джонатан Китс, художник, философ-экспериментатор и редактор лингвистического раздела в ведущем англоязычном журнале по новым технологиям Wired, исследовал происхождение и эволюцию многих новых терминов, таких как «кубит», «сингулярность», «твит» и «копилефт», появление которых сопровождало или даже стимулировало ряд технологических и социальных тенденций. Китс пришел к выводу о «замечательном симбиозе научных и лексических инноваций, их мощной коэволюции. Идеи вдохновляют слова, которые в свою очередь формируют идеи, и так ad infinitum. Язык – наша первая, возможно, самая действенная технология, которая развивается вместе с человечеством как видом и способствует всем другим технологическим достижениям, от сельского хозяйства до Интернета. <...> Учитывая, что язык может повлиять на мысль, можно наблюдать воздействие слов на науку и технологию»¹⁰. Проективные термины предвосхищают концептуальную структуру тех объектов, которые они обозначают, а порой и вызывают их к жизни или определяют пути их использования. Например, эколог Юджин Стормер и химик Пауль Крутзен предложили термин «антропоцен» для обозначения текущей геологической эпохи, сменяющей голоцен и чаще всего датирующейся началом промышленной революции. Термин оказал глубокое влияние на экологическое мышление и политику, так как воздействие человека на окружающую среду теперь стало рассматриваться не как «хищная эксплуатация природы человеком», а как самостоятельный и весьма конструктивный геологический фактор.

Терминообразование всегда играло особую роль в гуманитарных науках, в частности в философии. Мыслить – значит заново создавать язык, «поперечный» житейскому языку, кри-

---

⁸ Гадамер Г. – Г. История понятий как философия / Пер. В. Бибихина // Гадамер Ханс-Георг. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 35.

⁹ Альтшуллер Г. С. Алгоритм изобретения. М.: Моск. рабочий, 1973. С. 122.

¹⁰ Keats J. Virtual words: Language on the edge of science and technology. New York: Oxford University Press, 2011. P. VIII.

тически очищенный от тривиальных значений, клише, автоматизмов сознания. «Идея» Платона, «вещь-в-себе» Канта, «диалектика» и «снятие» Гегеля, «позитивизм» О. Конта, «сверхчеловек» Ницше, «интенциональность» и «эпохе» Э. Гуссерля, «ноосфера» В. Вернадского и Т. де Шардена, «остранение» В. Шкловского, «здесь-бытие» и «временение» М. Хайдеггера, «экзистенциализм» Г. Марселя и Ж.-П. Сартра, «различание» (*différance*) и «деконструкция» Ж. Деррида – именно в таких словах-понятиях интегрируются новые для своего времени системы мышления.

Вопреки расхожему представлению о том, что создание новых слов – дело поэтов и писателей, гуманитарная мысль даже более глубинно втянута в этот процесс, более зависима от способности языка образовывать новые понятия, которые содержали бы квинтэссенцию данного метода или системы. Неологизм – итог движения мысли, которая проходит через множество ступеней доказательства, развертывается в многотомных словесных построениях – чтобы в конце концов не найти лучшего воплощения, чем в одном-единственном слове, которое увековечивает мысль, как знак ее пребывания в самом языке, а не просто в отдельных текстах. Слово «идея», возведенное Платоном в философскую категорию («обобщенный умопостижимый и бытийствующий признак»), уже навсегда вобрало в себя мысль Платона, – и тот, кто пользуется этим термином, вольно или невольно становится платоником, даже если он придерживается антиплатонических взглядов. Язык обслуживает самые разные мировоззрения, которые только потому и могут вступать в спор, что говорят на общем языке. Мысль Вл. Соловьева или М. Бахтина трудно представить вне тех словесных построений, которые они вводили в русскую гуманитарную мысль: «всеединство», «Богочеловечество», «софиология», «многоголосие», «участность», «внезаходимость»...

Автоматизация метода и языка – главный враг мышления. Термины исследования могут рождаться из него самого, из уникальности его предмета, в самом процессе мышления о нем, а не братья готовыми из иных источников. Драма рождения нового термина есть одновременно и борьба с автоматизацией теоретического языка.

Гуманитарные науки, как и любые дисциплины, не могут развиваться без обновления своей концептуально-терминологической системы. Именно жанр *проективного словаря* представляется наиболее прямой и емкой формой для изложения новых концептов и введения их в научное и общественное сознание.

Проективность как метод мышления

В философии XX века, особенно его второй половины, преобладала *лингво-аналитическая* ориентация, в разной степени характерная и для европейского структурализма и постструктурализма, и для англо-американской аналитической традиции: анализ повседневного, научного и собственно философского языка, его семантических, грамматических и логических структур. Все гуманитарные науки в XX веке так или иначе развивались под знаком этого «лингвистического поворота». Данная тенденция сохраняется и сейчас, но внутри нее происходит новый поворот: от анализа к синтезу языка, к системному построению новых понятий и терминов, что обещает придать гуманистике более творческий характер в XXI веке. Теперь как никогда свежо звучит призыв Ф. Ницше: «Философы догадываются только напоследок, что они не могут уже больше пользоваться готовыми понятиями, не могут только очищать и выяснять их, но должны сначала *создать, сотворить* их, установить их и убедить в них»¹¹.

Симптомы такой тенденции к синтезу видны в методологических работах Т. Куна, П. Фейерабенда, Ж. Деррида, которые устанавливают приоритет конструктивного мышления над эмпирическим даже в естественных науках – и тем более в гуманитарных, где призыванием уче-

¹¹ Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей (кн. 2, III). М.: Культурная революция, 2005. С. 236.

ного становится создание новых идей, парадигм и способов их артикуляции. Труды Ж. Делеза и Ф. Гваттари направлены именно на масштабное обновление философского языка, синтез новых концептов и терминов:

«... Философия – дисциплина, состоящая в *творчестве* концептов... <... > На это нельзя возражать, что о “творчестве” обычно говорят применительно к чувственным вещам и к искусствам... Собственно, науки, искусства и философии имеют равно творческий характер, просто одна лишь философия способна творить концепты в строгом смысле слова. Концепты не ждут нас уже готовыми, наподобие небесных тел... Их должно изобретать, изготавливать или, скорее, творить, и без подписи сотворившего они ничто. <...> Платон говорил, что следует созерцать Идеи, но сперва он должен был сам создать концепт Идеи. Чего стоит философ, если о нем можно сказать: он не создал ни одного концепта, он не создал сам своих концептов?»¹²

Проективный словарь – дальнейшее развитие этой тенденции. В нем подчеркнута *трансформативное* начало гуманитарного мышления, призванного не только изучать, но и по-новому формировать явления культуры. Если предметная область философии: идеи, понятия, категории, универсалии – представлена прежде всего в языке и текстах, то задача философии – не просто исследовать, но и расширять существующий язык, лексические поля, синтезировать новые концепты, вводить новые языковые правила, увеличивать объем говоримого – а значит, и мыслимого и потенциально осуществимого.

Сходные процессы «словаризации» происходят и в других областях культуры, даже таких далеких от философии, как кино, где возникает так называемый «database narrative» (термин Льва Мановича), то есть «повествование, основанное на базе данных». Не фильм снимается по сценарию, а сценарий составляется по тем образам, картинкам, которые имеются в базе киноданных, в видеословаре. Сначала *кинотезаурус*, потом составленный из его единиц видеоряд, *кинотекст*. Причем из одного ресурса образов можно создать разные кинотексты, выражающие идеи и позиции разных авторов. Так и в Проективном словаре латентно содержится множество текстов, которые могут работать от энергии предложенных слов-понятий, реализуя разные их смысловые возможности. Проективный словарь – это порождающая модель расходящегося ряда гуманитарных текстов, способных иметь противоположную направленность, воплощать разные концепции, но при этом использовать общий терминологический ресурс.

Проективность может быть понята как свойство не только словарного жанра, но и метода мышления. Проективное мышление, в отличие от дескриптивного или адаптивного, само создает свой предмет и проецирует его в растущую систему понятий¹³. «Проективизм» как метод сочетает в себе такие интеллектуальные традиции, которые считаются трудно совместимыми: ницшевскую философию жизни и витгенштейновскую философию языка – витализм и лингвизм. **Лингвовитализм** (linguovitalism) – это расширение жизненного пространства философского языка, умножение его мыслимостей и говоримостей. Согласно аналитической традиции, идущей от Л. Витгенштейна, философия как «критика языка» призвана изучать языковые игры, уточнять значения слов, понятий и правил, используемых в речевых практиках: в быту, науках, искусствах, разных профессиях. Однако, по мысли Витгенштейна, «термин “языковая игра” призван подчеркнуть, что *говорить* на языке – компонент деятельности или

¹² Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с фр. С. Н. Зенкина. СПб.: Алетейя, 1998. С. 14–15.

¹³ Термин «проективное мышление» используется в многочисленных работах Эдварда де Боно, известного британского специалиста по психологии творчества. Он определяет проективное мышление как «горизонтальное» (lateral), расходящееся в разные стороны, открытое и рискованное, создающее собственный контекст, проблематику и цели. Этим оно отличается от «реактивного» мышления, которое направлено на решение конкретных, ранее поставленных задач. См., напр.: Боно Э. де. Серьезное творческое мышление. Минск: Попурри, 2005. Наша концепция проективного мышления излагается во многих статьях этого Словаря (*Креатема, Креаторика, Проективность, Проективный словарь* и др.).

форма жизни»¹⁴. Следовательно, философия имеет и другое призвание: вести *собственную языковую игру*, постоянно пересматривать и расширять ее правила, концептуальную основу, объем ее лексических и грамматических единиц, метафор и мыслеобразов. Ницшевский *витализм* приходит на помощь витгенштейновскому *лингвизму* и переносит на язык все те заповеди могущества, доблести, отваги, которые Ницше обращает к жизни. В таком случае дерзость словотворчества, *витальность самого языка* и является методологической основой системно-проективного подхода к задачам и возможностям гуманитарных наук.

От анализа языка к синтезу новых концептов

Проективное мышление и лингводизайн как его разновидность имеют свои алгоритмы, хотя не всегда они ясно прослеживаются, а главное, не работают автоматически для создания новых словопонятий, – но задним числом объяснимы. Покажем, как создаются новые концепты из комбинации значимых элементов языка, на примере двух терминов – этического («благоподлость») и логико-лингвистического («инфиниция»).

Суждение «глупость есть порок» может рассматриваться аналитически, в манере Джорджа Мура, одного из зачинателей английской лингвистической философии, как эквивалентное суждениям «я плохо отношусь к глупости» или «глупость вызывает у меня негативные эмоции». Однако такой анализ сам по себе интеллектуально тривиален, тавтологичен, если он не ведет к попыткам новых синтезов. Приведем ряд синтезирующих вопросов и суждений. Всегда ли глупость – порок или в определенных ситуациях она может быть добродетелью? Если ум может служить орудием порока, то не может ли глупость служить орудием невинности? Вспомним слово «благоглупость», введенное в язык М. Салтыковым-Щедринным: с благими намерениями можно совершать большие глупости, тем самым действуя наперекор целям.

Если возможна «благоглупость», то не возможна ли и «благоподлость»? Это слово кажется сомнительным оксюмороном: если нехватка ума еще может сочетаться с благими намерениями, то как быть с извращением воли? Можно ли предавать, мучить, кощунствовать с благими намерениями? Очевидно, можно, и диапазон примеров очень широк: от Великого Инквизитора у Ф. Достоевского до Павлика Морозова в советской агиографии. Великий Инквизитор во имя блага, сытости и довольства людей отнимает у них тяжелый, мучительный дар свободы. Пионер-герой, как и тысячи «настоящих советских людей», повинуюсь внушенным ему представлениям об общественном благе, доносит властям на своего отца и других близких. Таким образом, суждение «глупость есть порок», тривиальное как предмет анализа, может стать основой для синтеза далеко не тривиальных суждений и словообразований, таких как «благоподлость».

Приведем еще один пример синтеза нового словопонятия. «Дефиниция» – важный термин философии и лингвистики. Существует множество дефиниций «дефиниции» и таких ее разновидностей, как «аналитическая», «контекстуальная», «увещающая», «уточняющая», «прескриптивная» дефиниции и др. Но поставим такой вопрос: все ли понятия поддаются дефиниции? И не может ли быть такой дефиниции, которая выявляла бы именно существенную неопределимость понятия?

Такой тип определения мы назовем **инфиницией** (infinition). Это сращение двух слов – definition (определение) и infinity (бесконечность), происходящих от одного латинского корня finis, конец, предел. По-русски «определение» и «беспредельность», срастаясь, дают такое же по смыслу слово «беспределение». *Инфиниция* – бесконечно отсроченная дефиниция, которая определяет некое понятие и вместе с тем указывает на его неопределимость. Инфиниции часто

¹⁴ Витгенштейн Л. Философские исследования, фрагм. 23 // Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. 1. С. 90.

применяются в отношении базовых, всеопределяющих и неопределяемых понятий, таких как «Бог», «душа», «бытие», «жизнь», «мудрость», «любовь». Инфиниции особенно характерны для религиозно-мистических направлений мысли. Пример инфиниции: «Дао производит полноту и пустоту, но не есть ни полнота, ни пустота; оно производит увядание и упадок, но не есть ни увядание, ни упадок... Дао нельзя услышать: то, что можно услышать, не Оно. Дао нельзя увидеть: то, что можно увидеть, не Оно... Таким же образом Дао не допускает быть названным» (Чжуан-цзы).

Так, построением логических и лингвистических альтернатив и перекомбинаций своих компонентов строятся новые концепты ¹⁵.

Подведем итог. Если анализ находит в суждении сочетание таких элементов, как *abc*, то синтез порождает сочетания *bca* или *cba* – новую мыслимость, еще не опознанный ментальный объект, требующий своей интерпретации, нового акта анализа и последующего нового синтеза. Г. В. Лейбниц полагал искусство синтеза более важным, чем анализ, и определял его как *алгебру качеств*, или *комбинаторику*, «в которой речь идет о формах вещей или формулах универсума, то есть о *качестве* вообще, или о сходном и несходном, так как те или другие формулы происходят из взаимных комбинаций данных *a, b, c* и т. д., и эта наука отличается от алгебры, которая исходит из формул, приложимых к количеству, или из равного и неравного» ¹⁶. Разумеется, синтез – это не только комбинаторика, это и *креаторика*, создание неизвестного на основе перекомбинации, переинтеграции известного. Это новый уровень системной целостности всех прежних и заново вводимых знаков и их смысловых отношений.

Итак, *синтез языка*, или *конструктивный лингвоцентризм*, – альтернатива долго господствовавшему анализу языка, или деконструктивному лингвоцентризму. Это направление в философии ставит своей задачей синтез новых терминов, понятий и суждений на основе их языкового анализа. Где есть вычленимые элементы суждения, там возникает возможность иных суждений, иного сочетания элементов, а значит, и область новой мыслимости. Словарь представляет собой опыт гипотетического дискурса, так сказать, рассеивания тех понятий-семян, которые могут дать всходы в новой генерации гуманитарных текстов ¹⁷.

---

¹⁵ Понятия «благоподлость» и «инфиниция» рассматриваются также в соответствующих разделах словаря – «Язык. Лингвистика» и «Личность. Этика».

¹⁶ Лейбниц Г. В. Об универсальном синтезе и анализе, или Об искусстве открытия и суждения // Лейбниц Г. В. Соч. в 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 3. С. 122.

¹⁷ Подробнее темы этого Введения развиты в статьях Словаря: *Лингвовитализм, Лингводизайн, Логопозия, Перформативная лингвистика, Потенциация, Проективная лингвистика, Проективность, Проективный словарь, Протологизм, Семиургия, Синтез языка, Футурологизм.*

СЛОВАРЬ

ГУМАНИСТИКА В ЦЕЛОМ

Антропопозья
– Водство
Вочеловечение
Всечеловек
Всечеловечество
Гуманетика
Гуманистика
Гуманитарное изобретение
Гуманитарные практики и технологии
Гуманология
Индивиды-универсалии
Микрожанры интеллектуальные
Науководство
Репозитарий гуманитарных идей
Техногуманизм
Техногуманистика
Трансгуманистика, трансформативная гуманистика
Трансдисциплины, трансформативные дисциплины
Человек
Человекомерие
Экогуманистика

АНТРОПОПОЭЯ

АНТРОПОПОЭЯ (anthropopoeia; от греч. anthropos, человек + poiein, делать, творить, сочинять). Совокупность всех практик, направленных на создание и пересоздание человеческих существ. Начальный акт антропопозьи, как она описана в Библии, – сотворение человека «по образу и подобию» Бога, что прямо указывает на поэтическую природу человека как метафоры. Человек – это «тварь» или «творение» не в буквальном значении (как растения или животные), а в переносном, поскольку выступает как *образ* самого Творца, как *иконический знак* Бога: между ними сложная семиотическая игра уподобления, сравнения, отношения означающего и означаемого. Как метафора Бога человек ему не тождествен, но обладает некоторыми его признаками: способностью мышления, творчества, именованности вещей, свободой воли. Сам термин «антропопозья» подразумевает, что к человеку следует относиться как к *образу* и *подобию*, то есть воспринимать его именно поэтически, а не логически или эмпирически¹⁸.

Созданный как живая метафора своего творца, человек затем по своему образу и подобию пересоздает окружающий мир. Антропопозья получает продолжение и развитие в *технопозье, *социопозье и т. д. Это и есть цивилизация, которая так же метафорична по отноше-

---

¹⁸ Согласно ряду интерпретаций, «образ» – указание на то, каким человек создан изначально (происхождение), а «подобие» – на то, каким он призван стать (целеполагание).

нию к человеку, как человек – по отношению к Богу. Орудия труда, технические изобретения, научные открытия, произведения искусства – все это способы творить мир по образу и подобию человека. Поэтому метафора, как перенос значения по сходству, господствует не только в поэзии, но во всей деятельности человека, преобразующей мир. В продуктах цивилизации: в картинах и зданиях, в самолетах и компьютерах – мы обнаруживаем бесконечно множимые образы самого человека, символические проекции его свойств, метафоры его способностей и потребностей.

*-Поэзия, *Сверхпоэзия*, Социопоэзия, Технопоэзия
Сверхпоэзия и сверхчеловек // Знамя. 2015. № 1. С. 163–175.
Творчество. С. 368–369.

– ВОДСТВО

– **ВОДСТВО** (-stry; ср. forestry, лесоводство, floristry, цветоводство). Вторая основа сложных слов, указывающая на конструктивные практики, технологии преобразования культуры, возникающие на основе гуманитарных наук или как их предпосылка. Языковедение соотносится с *языководством (термин В. Хлебникова), литературоведение – с *литературоводством*, искусствоведение – с *искусствоводством*.

*Гуманитарное изобретение, Гуманитарные технологии, Культуроника,
Науководство, Трансдисциплины, Языководство

Конструктивный потенциал гуманитарных наук: Могут ли они изменять то, что изучают? // *Философские науки*. 2008. № 12. С. 34–55.

Техника – религия – гуманистика. Два размышления о духовном смысле научно-технического прогресса // *Вопросы философии*. 2009. № 12. С. 19–29.

ВОЧЕЛОВЕЧЕНИЕ

ВОЧЕЛОВЕЧЕНИЕ (humanification). Принадлежность человечеству по сознательному выбору, а не только по факту рождения; усвоение общечеловеческих ценностей как приоритетных по отношению ко всем другим (национальным, партийным, конфессиональным и т. д.). Вочеловечение – процесс духовного развития, который ведет индивида от идентификации с различными общественными группами к идентификации со всем человечеством. Это означает не отказ от принадлежности к частным группам, таким как этнос или профессиональное сообщество, но вхождение в поле более широких всечеловеческих смыслов и целей, воссоединение индивидуального и универсального. «Вочеловечение» в данном значении – не религиозный термин («вочеловечение Бога в Иисусе Христе»), а чисто секулярный. Каждому, кто рожден человеком, еще надлежит вочеловечиться на протяжении своей жизни, то есть стать человеком в акте личностного самоопределения. Человек призван прежде всего **человечествовать**, то есть стать тем, кто он есть.

Вочеловечение – это процесс чисто индивидуальный и экзистенциальный, в отличие от *глобализации*, которая происходит на уровне экономических, политических, научно-технических процессов и вовлекает широкие массы, подчиняя их объективным тенденциям планетарного развития. Вочеловечение может быть этико-психологической опорой глобализации – или вступать с ней в конфликт, если последняя навязывает человеку массовые формы универсальности, ограничивает свободу личного выбора и представляет собой планетарную экспансию отдельных групп, корпораций, государств, политических кланов. Глобализация может быть материально-исторической формой вочеловечения – или способом апроприации человечества «группами по интересам».

Джованни Пико делла Мирандола в своей речи «О достоинстве человека» (1486) указывает на множественность возможных путей самоопределения человека как изначально «неопределенного» и потому свободного существа: «Принял Бог человека как творение неопределенного образа и, поставив его в центре мира, сказал: “Не даем мы тебе, о Адам, ни определенного места, ни собственного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно твоей воле и твоему решению. Образ прочих творений определен в пределах установленных нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю... Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие божественные”»¹⁹.

Именно потому, что человеку предоставлен свободный выбор, он может выбрать себя в качестве человека, более того, такое самоопределение является условием и исходной точкой всякого другого выбора (в т. ч. восходящего). Чтобы человек мог перерождаться в «высшие божественные существа», ему нужно определиться именно в качестве человека, потому что даже ангелы и титаны, не говоря о растениях и животных, стеснены пределами своей заданной сущности. Сама изначальная «неопределенность» человека становится предпосылкой его выбора себя свободным и универсальным существом. Если же человек выбирает себя только представителем определенной нации, партии, профессии, конфессии, то он ограничивает и свою дальнейшую свободу самоопределения.

В основе вочеловечения лежит рефлексивно-волевой акт: *Я сознаю себя человеком и ставлю свою человечность выше всех других своих групповых принадлежностей. Я преодолеваю их в той мере, в какой они отделяют меня от других людей.* Эта антропологическая рефлексия есть логическое и этическое расширение постулата Декарта: «*Cogito ergo sum*» (мыслю, следовательно, существую). Факт существования выводится не из показаний внешних органов чувств (которые могут обманывать), а из акта собственной мысли. Я мыслю себя человеком, следовательно, существую в качестве человека. Без рефлексивно-волевого акта полное вочеловечение невозможно. Оно поднимает человека не только над природными спецификациями (раса, этнос, пол), но и над последующими социальными (класс, религия, идеология, культура, воспитание и т. д.). Нравственный смысл вочеловечения совпадает с категорическим императивом И. Канта: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству». Это означает, что все частичные, групповые, внутривидовые определения индивида как природно-социального существа подчиняются его всечеловеческому самосознанию.

Вочеловечение можно сопоставить с конфирмацией, практикуемой во многих христианских конфессиях. Новорожденный по традиции проходит через обряд крещения, но далее причастность вере требует от него подтверждения (confirmation) в сознательном возрасте (от 13 лет и старше). Точно так же, рождаясь людьми, мы в дальнейшем должны подтвердить свою принадлежность человечеству как сообществу в акте секулярной конфирмации. Для этого необходимо второе, духовное рождение, «конфирмация в человечестве», то есть сознательное принятие на себя миссии быть человеком как приоритетной по отношению ко всем другим. Сергей Булгаков назвал это «творческим саморождением человечества». «Историческое рождение человека, существа свободного и богоподобного, не только предполагает рождение в собственном смысле... но и некое *самосотворение человека*. Последний не только рождается тем или иным, но он становится самим собой лишь чрез свободное свое произволение, как бы *изъявляя согласие на самого себя, определяя свое собственное существо*»²⁰.

---

¹⁹ http://psylib.org.ua/books/_pikodel.htm

²⁰ Булгаков С. Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. Отдел III. Человеческая история. 1. Конкретное время. <http://>

Саморождение человека происходит на всех уровнях, от индивидуального до универсального, и уровень «всечеловечности», видовой самоотнесенности столь же важен, как и индивидуальное самосознание. Общность людей как представителей биологического вида постепенно в ходе их воспитания и взросления распадается на множество групповых идентичностей. Они учатся быть гражданами своей страны, прихожанами своей церкви, членами своей партии, мастерами своего ремесла, болельщиками своего клуба... Люди определяют себя как мужчины или женщины, богатые или бедные, физики или юристы, как члены тех или иных клубов и корпораций. При этом для большинства людей их принадлежность к человечеству становится абстракцией, которая никак не определяет сферу их практических интересов и действий.

Вочеловечение – это новое воссоединение индивида с человечеством, уже как цель и возможность личностного развития. При этом судьба и ценности человечества переносятся в центр личных интересов. Решающим для жизненной ориентации становятся перспективы духовного, культурного, творческого развития человечества и возможность своего участия в этом процессе. Частные и групповые интересы не отменяются, но встраиваются в более широкую перспективу, и в случае их противоречия с общечеловеческими именно последние получают перевес.

*Восприятие, Всечеловечество, Обаяние, Транскультура,
Транссоциальность, Универсализм критический, Универсика, Универсальный принцип
Творчество. С. 172–176.

ВСЕЧЕЛОВЕК

ВСЕЧЕЛОВЕК (panhuman). 1. Человек, который объемлет и совмещает в себе свойства многих индивидов (включая представителей разных культур, психологических типов). 2. Целостное природно-искусственное существо, сочетающее в себе свойства человеческого индивида со свойствами универсального кибернетического организма.

Слово «всечеловек» введено Ф. Достоевским в речи о Пушкине, в значении всеотзывчивого гения, способного воспринять и выразить дух других народов ²¹. В романах самого Достоевского понятие «всечеловек» можно отнести к персонажам, которые, как Дмитрий Карамазов, сочетают в себе высокое и низкое, доброе и злое, святое и грешное, все полярности человеческого характера («широк человек, я бы сузил»).

В связи с новым этапом *антропогенеза* понятие «всечеловек» приобретает расширительный смысл. Человек интегрирует в себя много новейших технологий – медицинских, перцептивных, информационных, коммуникативных – и переступает границы своего биовида, становится «киборгом». Он перерастает себя на величину своих творений, которые уже не просто опредмечиваются вовне, в виде орудий труда и произведений культуры, но срастаются с его организмом и служат продолжением его мозга и органов чувств, включая электронные сети как расширение его когнитивных способностей. Индивид потенциально становится вездесущим, всемогущим и бессмертным (*мультивидуум). Останется ли он при этом человеком? Будет ли он любить, страдать, тосковать, вдохновляться? Или, как предполагал Ницше, сверхчеловек

www.humanities.edu.ru/db/msg/43415 (курсив мой. – М. Э.).

²¹ «Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, *всечеловеком*, если хотите. <...> Ко всемирному, ко всечеловечески-братскому единению сердце русское, может быть, изо всех народов наиболее предназначено...» – «Пушкин. Очерк» (Ф. М. Достоевский об искусстве. М.: Искусство, 1973. С. 368, 369).

устыдится в себе человека как своего животного предка, подобно тому как человек стыдится в себе черт обезьяны?

Всечеловек принципиально отличается от *сверхчеловека* тем, что это концепция инклюзивная, а не эксклюзивная. Если сверхчеловек возвышается над людьми и над человеком в себе, то всечеловек объемлет и примиряет собой все человеческое. Он не высокомерен, а соразмерен всему, наиболее полно претворяет в себе мудрость и неразумие, дерзание и ничтожество, открытия и заблуждения, игру и страсть. Это приводит к повышению его интеллектуально-творческого типа, и к обострению его внутренних конфликтов.

По сравнению с накалом противоречий нового всечеловека, *биотехновиды*, может показаться мелкой борьба в душе «всечеловека» карамазовского типа. Можно ли, достигая световых скоростей, сохранить тоску по дому? Можно ли проникать взглядом в подкожную жировую клетчатку, в строение внутренних органов и при этом наслаждаться прикосновением к коже другого существа? Можно ли знать о другом «все» – и одновременно любить его? Можно ли быть информационно прозрачным для других – и вместе с тем сохранить чувство стыда? Как быть и вполне машиной, и вполне человеком, не убивая в себе одного другим?

Если видеть будущее человека как возможность новой гармонии и новой трагедии в отношениях между организмом и механизмом, между рожденным и сотворенным, то мы находимся лишь на отдаленном подступе к этой гигантской фигуре всечеловека, для которой тесен будет масштаб шекспировских и гетевских трагедий.

*Вочеловечение, Всечеловечество, Мультивидуум, Мультикосмизм, Техногуманизм, Техногуманистика, Транскультура, Транссоциальное, Универсика, Универсальный принцип
Дар. Вып. 10. 9.10.2000.
Знак. С. 125–127.

ВСЕЧЕЛОВЕЧЕСТВО

ВСЕЧЕЛОВЕЧЕСТВО (panhumanity), **СОЮЗ ОБЪЕДИНЕННЫХ ИНДИВИДОВ** (United Individuals), **ОРГАНИЗАЦИЯ-1** (Organization-1). Союз людей, ставящих свою человечность выше принадлежности к любым группам, организациям и сообществам. Всечеловечество восстанавливает на уровне индивидуальной рефлексии и волевых актов ту общность человеческого рода, которая присуща людям как биологическому виду.

Следует отличать всечеловеческое от *глобального*, от общепланетарных экономических, технических, политических процессов, объединяющих массы и не требующих личностного **вочеловечения*. Ускоренный процесс глобализации в XX – XXI веках создает предпосылки для превращения человечества в единый субъект самосознания. Если раньше экзистенциальное отношение к общественным группам возникало в масштабе этнических, национальных, расовых, гендерно-сексуальных общностей (патриотизм, национальная гордость и т. п.), то теперь в область конкретных переживаний и эмоционального опыта вступает человечество как единое целое.

Можно условно выделить четыре стадии становления всечеловеческого: биологическую, социальную, планетарную и экзистенциальную. На первой стадии человек принадлежит своему природному виду, как животные – своим видам. На второй развиваются многообразные формы социализации, которые разделяют людей на этнические, культурные, конфессиональные, профессиональные, классовые, политические группы. На этой стадии ряды человечества как целого редуют, поскольку укрепляются более частные, конкретные формы социальности. Главное сообщество оказывается вне поля сознания, неким бессодержательным, нулевым классом: к нему относятся все, а значит никто. На третьей стадии, глобализации, формируется экономическое, политическое, научно-техническое единство человечества благодаря росту про-

изводственных сил и коммуникативно-транспортных связей в освоении планеты как целого. Перемешиваются расы, национальности, языки, традиции. Человечество из абстрактно-спекулятивной идеи превращается в конкретную общность людей, связанных планетарными целями и масштабом деятельности. Но это еще только тело объединенного человечества, а не его душа, которой предстоит родиться.

На четвертой стадии, **вочеловечения*, которой достигают пока немногие, рождается сознание принадлежности всему человечеству как акт экзистенциального выбора. Возникает потребность «вступить» в человечество, как вступают в другие организации, то есть совершить акт добровольного и целенаправленного присоединения к этой общности. Всечеловечество возникает по мере того, как из почти пустого класса человеческое обращается в сверхнаполненный класс, то есть из простого природного факта становится делом саморефлексии и самоопределения.

В XIX веке Огюст Конт предложил создать религию почитания человечества, установить ее обряды, священство, праздники, календари. Рациональное зерно этой идеи было заключено в религиозно-догматическую оболочку: еще одна сверхконфессия, чтобы человечество поклонялось самому себе. К середине XX века человечество, раздираемое классовыми, национальными, религиозно-политическими конфликтами, утратило сознание своего единства. В XXI веке, на основе политико-экономической глобализации и развития коммуникативных сетей, заново утверждается идея *всечеловечества* как самоорганизации вида *homo sapiens*, который сознательно относит себя к этому виду, а не отнесен к нему лишь природой. Идея всечеловечества перекликается с **транскультурой* и **транссоциальностью*: это область выхода за границы тех культур, которым мы принадлежим по рождению и воспитанию, способность их опредмечивать и преодолевать актами рефлексии, в том числе культурологической, и не замыкаться ни в одной из них.

Всечеловечество подразумевает *союз свободных личностей*. В нем возможно только индивидуальное членство – в отличие от Организации объединенных наций, Всемирного совета церквей и других международных организаций, объединяющих общества, государства, коллективы. Такое *единство единичностей* могло бы называться «Организация-1», поскольку она была бы основана на двух взаимодополняющих принципах: всечеловеческой уни-версальности и человеческой уни-кальности.

Парадокс в том, что Организация-1 была бы предназначена для личностей, принципиально не вступающих ни в какие организации и не расположенных ни к какому «членству». К. Ясперс писал: «Тот, кто хочет жить в незамкнутом, неорганизованном и не допускающем организации сообществе подлинных людей – раньше это называли невидимой церковью – тот фактически живет в наши дни как единичный человек, связанный с другими рассеянными по земному шару единичными людьми, в союзе, который устоит в любой катастрофе, в доверии, которое не зафиксировано в договорах и не гарантируется выполнением каких-либо определенных требований»²². В Союз свободных личностей можно вступить, лишь «вступив в себя». Это союз чисто рефлексивный, основанный на экзистенциальном выборе и не предполагающий никаких форм внешней организации. Адекватным способом такой персоналистической самоорганизации человечества могла бы стать «*максима Канта – Конта*» (Kant – Compte maxím), соединение кантовского «категорического императива» и контовской «религии человечества»: «Я мыслю себя представителем человечества, следовательно, я человек. Смысл его бытия – мой смысл, его благо – мое благо». Главным, если не единственным свидетелем этой присяги должна быть совесть, о которой Квинтилиан сказал: «Совесть – тысяча свидетелей».

Всечеловечность понимается не догматически, как набор определенных ценностей, а критически, как движение за предел любой системы ценностей, утверждаемой в рамках опре-

---

²² Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 239.

деленной традиции, культуры, нации, профессии; как способность выходить за границы любой общности и тем самым принадлежать к общности всего человечества. В этом смысле наибольшая индивидуальность совпадает с наибольшей универсальностью, как ее понимал Вл. Соловьев: «... Исторический процесс совершается в этом направлении, постепенно разрушая ложные или недостаточные формы человеческих союзов (патриархальные, деспотические, односторонне-индивидуалистические) и вместе с тем все более и более приближаясь не только к объединению всего человечества, как солидарного целого, но и к установлению [в каждом человеке] истинного сизигического [сопрягающего] образа этого всечеловеческого единства»²³. Все то, чем мы выходим за пределы своей нации, партии, профессии, клуба, принадлежит нам как индивидам – и одновременно человечеству как самому вместительному мыслящему универсуму.

Всецеловечность не исключает более широкой солидарности человека со всем живым и живущим, а также со всем сущим и существующим. «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо». Это известное изречение Теренция можно перефразировать так: если я человек, то и ничто *внечеловеческое* мне не чуждо. Эта растущая мера соучастия в делах мира тоже нуждается в рефлексивном решении индивида, как задача еще более объемная и ответственная: человек – «пастырь бытия» (М. Хайдеггер), «соживой» и «событный» со всем живущим и бытийствующим.

*Алмазное правило, *Вочеловечение*, Всецеловек, *Потенциальные сообщества, Транскультура, Транссоциальное, Универсализм критический, Универсика, Универсальный принцип*
Творчество. С. 172–176.

ГУМАНЕТИКА

ГУМАНЕТИКА (humanetics; human, человек + net, сеть). Гуманитарные исследования посредством информационных технологий; область взаимодействия гуманитарных и компьютерных наук. Гуманетика включает в себя «цифровые гуманитарные науки» (digital humanities), но ее задачи шире: не просто дигитализация наличных ресурсов, текстовых и мультимедийных, но использование сети как средства интеллектуального творчества (* *ИнтеЛнет*).

Интернет – ценный инструмент сравнения разных национальных культур. В досетевую эпоху такие концепты, как «общественное сознание», «национальное самосознание», «мысль народная» и пр., могли представляться мистическими сущностями или идеологическими конструктами. По мере того как Интернет сосредотачивает в себе информационные ресурсы человечества, общественное сознание все больше обретает числовую явь. Цифры, выдаваемые поисковыми системами, определяют значимость и распространенность тех или иных слов и понятий, позволяя узнать, например, какие образы и метафоры преобладали у поэтов-романтиков или как представлены в том или ином языке понятия свободы, мудрости, чести. Гуманетика обращается к Интернету как всеобъемлющему информационному ресурсу, который готов ответить на грамотно поставленные вопросы.

Сотрудничество гуманитария с программистом представляется наиболее оптимальным способом проведения таких исследований: один устанавливает задачу поиска и интерпретирует его результаты, другой определяет последовательность операций, необходимых для отбора нужного материала. Например, можно исследовать совместную встречаемость или, напротив, несовместимость определенных понятий в литературных текстах любой эпохи. Как соотносятся «лес» и «поле», или «любовь» и «ревность», или «Данте» и «Гете», или «филосо-

²³ Соловьев В. Смысл любви. http://iph.ras.ru/elib/Soloviev_Smysl_lubvi.html

фия» и «филология» в сознании немцев и итальянцев? Какие насекомые или птицы более всего значимы для русских и с какими моральными, психическими, антропоморфными качествами они чаще всего ассоциируются? Какие названия профессий, ремесел встречаются чаще всего в поэзии XX века? Поиск системы позволяет исследовать реальность общественного сознания по всем его знаковым параметрам. Можно предвидеть новую волну структурализма, количественных методов в гуманитарных науках на основе растущих исследований сетевых ресурсов; причем *структурализма динамического*, отражающего историческую подвижность важнейших концептов и универсалий культуры.

*Гуманитарные практики и технологии, *ИнтеЛнет*, Мегатекст, Мультиверсалия, Надтекст, *Текстоника*

Мысли в числах. Россия и Запад в зеркалах Интернета // Звезда. 2006. № 10. С. 204–213.

ГУМАНИСТИКА

ГУМАНИСТИКА (the humanities). Совокупность гуманитарных дисциплин, изучающих человека и человеческое; единое поле гуманитарного знания, мышления и основанных на них преобразовательных практик. Гуманистика включает не только гуманитарные науки, но и связанные с ними гуманитарные технологии. Термин «гуманистика» предпочтительнее термина «гуманитарные науки» (human sciences) в тех случаях, когда нужно подчеркнуть единство гуманитарной сферы познания, общность гуманитарных подходов в отличие от естественно-научных, общественно-научных, математических, технических и пр. Реже употребляется термин «гуманитаристика»²⁴.

В гуманистику входят следующие области и дисциплины.

1. Традиционные гуманитарные дисциплины: философия, культурология, религиоведение, филология, лингвистика, литературоведение, искусствоведение и другие науки эстетического цикла (музыковедение, театроведение, киноведение и пр.).

2. Междисциплинарные области на пересечении гуманитарных и социальных или естественных наук: антропология, этнография, история, психология, когнитивистика, информатика, коммуникативистика и др.

3. Новые, неконвенциональные гуманитарные дисциплины: *виталистика, *креаторика, *потенциология, *реалогия, *скрипторика, *софийные дисциплины (включая *биософию, *технософию), *тегименология, *универсика, *фатумология, *хоррология, *эротология и др.

4. Гуманитарные исследования тех областей, которые специально изучаются другими науками, в том числе естественными и техническими: природа, космос, жизнь, человеческое тело, техника и т. д. (*гуманология,

²⁴ Термин «гуманистика» был впервые введен в цикле моих лекций «Гуманистика в XXI веке: творческое мышление в науке и взаимодействие ценностей в культуре» (Москва, РГГУ, июнь 2004). На первый взгляд, правильное «гуманитаристика», ведь науки называются «гуманитарными», а не «гуманистическими». Выбор в пользу «гуманистики» был сделан по двум причинам: 1) это слово короче, легче произносится и пишется; 2) это более правильный термин с точки зрения международного словообразования. По-английски «гуманитарные науки» – the humanities, humanistic disciplines, humanistic scholarship. По-французски – sciences humaines, humanités. А слово «humanitarian» относится к благотворительности, филантропии. Русское употребление слова «гуманитарный» применительно к наукам и знаниям (а не к фондам или организациям) по сути противоречит международному пониманию «humanitarian», которое проникло и в русский язык («гуманитарная помощь», «миссия» и т. д.). Поскольку термин «гуманистика» – новый и созданный специально для того, чтобы передать объем понятия «the humanities», целесообразно с самого начала адаптировать его к международным словообразовательным нормам. Фактически эта норма уже закрепилась в рунете, где слово «гуманистика» используется на порядок чаще, чем «гуманитаристика» (соответственно 90 000 и 6 000 ссылок по «Гуглу», май 2016).

*техногуманистика, *экогуманистика, медицинская гуманистика). Сюда же включаются гуманитарные подходы к самой науке, ее истории и методологии.

5. Гуманитарные практики, технологии, трансформативные методы, направленные на преобразование тех областей, которые изучаются гуманитарными науками, – **трансформативная гуманистика*, *трансдисциплины.

Одна из важнейших проблем гуманистики – ее самоопределение по отношению к естественным и социальным наукам, а также вопрос о ее собственной научности. В своем «Введении в науки о духе» (1880) В. Дильтей противопоставил их наукам о природе. Гуманистика – это дисциплина сопереживания, понимания, толкования всего созданного человеком; здесь рассматривается *субъективность* человеческого рода в ее индивидуальных и коллективных выражениях. Следуя этой дильтеевской традиции, М. Бахтин противопоставляет «познание вещи и познание личности. Их необходимо охарактеризовать как пределы: чистая мертвая вещь, имеющая только внешность, существующая только для другого и могущая быть раскрытой вся сплошь и до конца односторонним актом этого другого (познающего). <...> Критерий здесь не точность познания, а глубина проникновения. Познание здесь направлено на индивидуальное. Это область открытий, откровений, узваний, сообщений»²⁵.

Наряду с этими двумя «пределами», можно выделить еще промежуточную сферу *объективированной* общечеловеческой *субъективности*. Это прежде всего социально-политическая, экономическая жизнь, где сами субъекты выступают как объекты: группы, государства, нации, классы, партии, фирмы, корпорации, то есть в своих материальных, кодифицируемых и часто квантифицируемых проявлениях. Социальные науки как академические дисциплины выделились позже, чем гуманитарные и естественные, поскольку и сама область объективации человека как социального, индустриального, производительного субъекта резко расширилась начиная с XVIII века (промышленный переворот) и особенно в XX веке (постиндустриальное общество). Это означает, в частности, что ряд традиционно гуманитарных дисциплин, таких как история, психология, лингвистика, стали мигрировать в область социальных наук, где локализовались также и новые дисциплины, изучающие человека: когнитивистика, коммуникативистика. Точнее сказать, что само деление на гуманитарные и социальные науки становится все более условным и проходит не «вдоль», а «поперек» традиционных дисциплин. Например, разные аспекты и разделы психологии принадлежат всем трем основным ветвям знания, включая гуманитарную («психоанализ», «экзистенциальная», «гуманистическая» и «позитивная» психология, психология личности, способностей и т. д.), социальную (социальная психология) и естественно-научную (напр., нейропсихология).

Порой в отдельную, четвертую ветвь знания выделяют еще т. наз. *формальные* науки, которые изучают формальные системы – числовые и знаковые: математика, логика, кибернетика, теория систем, теория принятия решений, статистика, семиотика, лингвистика, информатика. Три последние дисциплины образуют область пересечения формальных и гуманитарных наук.

Сами «науки о духе» тоже могут быть разделены на две большие группы, в зависимости от того, какой субъект подлежит рассмотрению: божественный или человеческий. В принципе, теологические (так сказать, «сверхъестественные») дисциплины следует отличать от гуманитарных, но религиоведение органически входит в круг гуманитарных наук, поскольку религия рассматривается как одно из проявлений культуры в широчайшем объеме этого понятия.

Гуманистика – это область *самопознания* и *самосотворения* человека и человечества. О чем бы ни писались гуманитарные сочинения: об эстетике итальянского Возрождения или об эпических сказаниях древней Индии, о взаимовлиянии романских и германских языков или

²⁵ Бахтин М. К философским основам гуманитарных наук (конец 1930-х – начало 1940-х гг.).

о кантовской философии времени и пространства, – всюду перед нами предстает образ иного человека, иного разума и культуры. Мы сопоставляем себя с ними, различаем и находим общее, а значит, глубже осознаем себя и одновременно становимся более человеческими.

Парадокс *саморефлексии* и *самореференции* стоит в центре гуманитарных наук, определяя сложное соотношение их гуманитарности и научности. Гуманитарные науки строятся вокруг этого парадокса: они изучают самого изучающего, именуют именуемого, и именно поэтому в их центре находится разрыв самого дискурса, слепое пятно, в которое попадает обращенный на себя взгляд. По словам М. Фуко, «это и тень, отбрасываемая человеком, вступающим в область познания, это и слепое пятно, вокруг которого только и можно строить познание... Человек построил свой образ в промежутках между фрагментами языка»²⁶. Поле гуманитарности состоит из размывов и зияний ускользающей от себя рефлексивности. То, что И. Кант называл «трансцендентальным единством самосознания», составляет самое средоточие гуманитарных наук и вместе с тем ограничивает их объективность. Общечеловеческая субъективность («трансцендентальное эго») не может полностью стать *объектом* описания, хотя и составляет условие и возможность всякого опыта: не только эмоционального (любовь, страдание, радость), но и когнитивного (восприятие, зрение, осязание) и интеллектуального (память, воображение, творчество). Уникальность гуманитарных наук в ряду других – их обращенность на то, что переживается именно внутри человеческого опыта, как сенсорные (*qualia*), перцептивные, нравственные, творческие состояния, которые имеют широкий спектр выражения в естественных языках, но, как правило, не поддаются экспериментально-технической верификации и квантификации. Гуманитарные понятия и термины, такие как «личность», «сознание», «свобода», «мудрость», «душа», характеризуют именно область общезначимо-субъективного, непереводаемого на язык объектного описания – физического, биологического или социологического. Именно то, что делает возможными гуманитарные науки: способность человека познавать и исследовать себя – ставит под сомнение их научность. Взаимобратимость субъекта и объекта придает шаткость всему проекту гуманитарных наук, подрывает их объективно-научные основания.

Эта проблематичность гуманитарного знания как *самопознания* отозвалась во всей системе наук XX века, потрясая основания даже методологически устойчивых дисциплин, от математики и логики до кибернетики и информатики, где возникают и множатся парадоксы самореференции и саморефлексии, особенно наглядные в проектах построения искусственного разума и самообучающихся машин. Именно на сцене гуманистики разыгрывается трагикомедия *homo sapiens*, который с античных времен был призван к главной цели – «познай самого себя», а в посткантовскую эпоху уперся в методологический тупик невозможности самопознания. Не противоречит ли *гуманитарность* самому представлению о *научности* как объективном познании, коль скоро познающему не дано полностью объективировать себя самого? Не оксюморон ли само выражение «гуманитарные науки», чей объект парадоксально совпадает и не может совпасть с их субъектом? Нет исхода из этих «странных петель» саморефлексии, нет решения вопросам о самой возможности гуманитарных наук.

Но «сама возможность их постановки есть уже ворота мысли будущего»²⁷. Так заканчивает М. Фуко свою «*археологию* гуманитарных наук» – и с этих же обнадеживающих сомнений может начаться их *футурология*. Неспособность гуманистики настичь свой ускользающий субъект-объект – обратная сторона ее *конструктивной* задачи: строить новые понятия, знаки, образы человека. Только так может быть разрешен парадокс самореференции: трансформировать неполное знание о себе в бытийный рост самого познающего. *Человековедение* неотделимо от *человекотворчества*, антропология – от *антропоэзии. Субъект человековедения потому

²⁶ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-САД, 1994. С. 348, 404.

²⁷ Фуко М., цит. соч. С. 404.

и не может быть полностью объективирован, что находится в процессе становления, и каждый акт самоописания есть и событие его *самопостроения*.

Гуманитарные дисциплины являются таковыми не потому, что они вообще изучают человека и его разнообразные проявления. Физиология, анатомия, медицина, экономика, социология, политология, социально-экономическая история тоже изучают человека, устройство его тела, продукты его деятельности, способы его общественной организации. Но эти науки являются не гуманитарными, а естественными или общественными. Гуманитарность свойственна именно таким дисциплинам, где человека нельзя опредметить как эмпирическую данность, как индивидуальное или социальное тело. Гуманитарность – в тех процессах мышления, творчества, высказывания, межличностных отношений, где человек менее всего определим и завершим. Гуманитарные науки заняты демистификацией не только собственной научности, но и тех форм научности, на которые претендует физическое, физиологическое, экономическое знание о человеке. *Критическая* сторона гуманитарности – денатурализация и деполитизация человека, разоблачение того, что естественным и общественным наукам представляется основой объективного знания о нем. *Конструктивная* сторона гуманитарности – это построение новых знаков, означаемым которых становится сам гуманитарный субъект, человек, не только открывающий нечто в мире субъектов, но и *производящий в ходе самопознания собственную субъективность*.

Один из основных вопросов – как сложится судьба гуманитарных дисциплин в XXI веке: будут ли они поглощены научно-техническими и социальными или, напротив, расширят сферу своего влияния вслед за очеловечиванием и «поумнением» самой техники? По мере гуманизации природного мира возрастает и значимость гуманистики, которая распространяется также на мир науки и техники, создаваемый человеком. Это значит, что не только увеличивается доля гуманистики в совокупном интеллектуальном и информационном продукте человечества, но и возрастает ее тематическая и методологическая емкость. Гуманистика потенциально охватывает все дисциплины, включая естественнонаучные и технические, социальные и политические, поскольку они тоже раскрывают творческий потенциал человека и служат материалом его изучения. Ведь и науки о природе не принадлежат самой природе, они созданы человеком, а следовательно, могут рассматриваться как предметы человековедения. Космология, физика, биология включаются в гуманитарное поле, поскольку, изучая природу, они раскрывают способности человека как познающего, мыслящего и творящего существа.

Будущее цивилизации зависит от многих дисциплин, включая математику, кибернетику, информатику, нейропсихологию, теорию и практику искусственного интеллекта... Однако все они, в свою очередь, зависят от гуманистики, поскольку именно она фокусируется на самосознании любого субъекта, будь то Бог, человек или «мыслящая» машина. Высшие технологии, достигающие уровня искусственного интеллекта, возможны лишь постольку, поскольку они способны обучаться тому, как быть *собой*, знать *себя*, говорить о *себе*. По мысли Дагласа Хофштадтера, «в конце концов, мы – замкнутые в себе миражи, воспринимающие и изобретающие самих себя, чудеса самореференции»²⁸. Как самосознание и самосотворение человека, гуманистика ближе всего к источникам будущего и призвана опережать любые прорывы в кибер-, нейро- или биотехнологиях. Эволюция, которой миллионы лет распоряжалась природа, сейчас благодаря этим технологиям переходит в руки человека. По словам английского футуролога Джеймса Мартина, «этот переход от эволюции, направляемой природой, к эволюции, направляемой человеком, есть величайшая перемена с тех пор, как возникла одноклеточная форма жизни»²⁹. Гуманистика стоит в центре этого эволюционного скачка, гигантски расширяющего роль человека в преобразовании Вселенной и самого себя.

---

²⁸ Hofstadter D. I Am a Strange Loop. New York: Basic Books, 2007. P. 363.

²⁹ Martin J. The Meaning of the 21st Century: A Vital Blueprint for Ensuring our Future. London: Transworld Publishers, 2007.

*Вочеловечение, *Гуманитарное изобретение, Гуманитарные практики и технологии, Гуманология, Есмь-истина, Культуроника, Науководство, Техногуманистика, Трансгуманистика, Четыре мира, Экогуманистика*
Знак. С. 5–20.
Творчество. С. 5–23, 444–449.
Transcultural. P. 16–23, 113–119.
Humanities. P. XI–XXIII, 1–20, 283–294.

ГУМАНИТАРНОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ

ГУМАНИТАРНОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ (humanistic invention). Новая гуманитарная идея, включающая средства ее воплощения в виде культурных практик, интеллектуальных движений, творческих организаций и форм сотрудничества.

Гуманитарные науки не меньше нуждаются в изобретениях и изобретателях, чем естественные. Для человечества важен творческий потенциал того или иного научного открытия, возможность новых изобретений на его основе. Так и про гуманитарную идею или теорию можно спросить: способна ли она породить новое культурное движение, художественный стиль, выразительные средства языка? Можно ли на основе данной идеи создать новое интеллектуальное сообщество, новые способы коммуникации?

Подобно общему разделению наук на естественные, общественные и гуманитарные, изобретения тоже бывают трех видов: научно-технические, социально-политические и гуманитарные. К числу *научно-технических* можно отнести: телескоп, паровоз, динамит, радио, автомобиль, авиацию, компьютер, вакцинацию, антибиотики, банкомат, лазер, голографию, Интернет.

Социальное изобретение – это любой новый закон, организация или процедура, которые меняют способ поведения и взаимодействия людей. Примеры *социально-политических* изобретений (к ним относятся и право и экономика): конституция, профсоюзы, бойскауты, кредитные и страховые организации, свободный рынок, феминизм, анархизм, коммунизм, сионизм, пособия по безработице, Красный Крест, Олимпийские игры, ООН, декларация прав человека.

Гуманитарные изобретения охватывают те сферы культуры, которые изучаются гуманитарными науками: язык, литература, искусство, философия, религия, психология, антропология, культурология. Приведем ряд изобретений по соответствующим дисциплинам.

Язык: армянский алфавит, славянские кириллица и глаголица, эсперанто, волапюк, идо и другие плановые языки, информационные и компьютерные языки, формализованные языки науки, возрождение древнего языка – иврита, орфографические реформы, индивидуальные авторские неологизмы.

Литература: классицизм, романтизм, готический роман, натуральная школа, реализм, сказ, детектив, символизм, поток сознания, футуризм, социалистический реализм, фэнтези, метареализм.

Искусство: фотография, кино, арт-деко, баухаус, ready-made, кубизм, сюрреализм, неореализм, супрематизм, минимализм, концептуализм, коллаж, инсталляция, видеоигры.

Психология: психоанализ, Эдипов комплекс, архетип, бихевиоризм, тест Роршаха, тест Люшера, тест IQ, множественный интеллект, экзистенциальная психология, трансперсональная психология, эннеаграмма.

Философия: кинизм, диалектика, идеализм, утопия, Просвещение, сверхчеловек, диалектический материализм, экзистенциализм, культурно-исторические циклы, деконструкция, постмодернизм.

Религия: икона, готический храм, Третий завет, суфизм, Каббала, протестантизм, методизм, деизм, пантеизм, хасидизм, мормонизм, теософия, антропософия, атеизм, богоискательство, пятидесятничество, бахаизм.

Некоторые изобретения можно отнести к смешанным категориям. *Техно-гуманитарные*: фотография, кино, компьютерные игры, гипертекст... *Социо-гуманитарные*: дендизм, хиппи, панки, эмо, готы и другие молодежные субкультуры...

подавляющее большинство изобретений имеет индивидуальных авторов, что подчеркивает творческую природу даже тех дисциплин, жанров, направлений, которые, казалось бы, существуют извечно и возникли сами собой. Например, создателем лингвистики считается Панини (Древняя Индия), философии – Фалес, эпистемологии – Ксенофан Колофонский, кинизма – Диоген, готической архитектуры – аббат Сугерий, масляной живописи – Ян ван Эйк, протестантизма – М. Лютер, феминизма – М. Уоллстоункрафт, детектива – Э. По, экзистенциализма – С. Кьеркегор, анархизма – М. А. Бакунин, бихевиоризма – Джон Уотсон, логического позитивизма – Морис Шлик, и т. д.

Изобретательство в гуманитарной сфере следует отличать от просто творчества или сочинительства. Даже великое литературное произведение далеко не всегда является изобретением – и наоборот, изобретением может стать текст, далеко не выдающийся по своим художественным достоинствам. Например, «Анна Каренина» – великий роман Л. Толстого, но литературным изобретением не является. А «Бедная Лиза» Н. Карамзина – простенькая назидательно-чувствительная повесть – была изобретением нового литературного направления – русского сентиментализма. Изобретательство – это создание некоего принципа или приема, которые впоследствии используются в создании других произведений. Поэтому великие изобретения часто бывают несовершенными творениями – не только в литературе или в философии, но и в технике. Техническая наивность первых телефонов, автомобилей, компьютеров не мешала им быть великими изобретениями. Эстетически слабыми были первые фотографии и кинокартины – но они создавали новые виды и жанры художественной деятельности. У изобретения бывает много общего с наброском, черновиком, гипотезой, то есть не полностью реализованной идеей, которая впоследствии обретает более развернутое воплощение. Сочинительство стремится к совершенству данного текста, произведения, тогда как изобретательство стремится создать ранее неизвестный принцип или идею, на основе которых можно производить множество разных сочинений. Сочинительство – реализация потенциального (замысла, проекта), изобретательство – *потенциация реального, переход от данного к возможному.

Есть несколько типов гуманитарного изобретательства. Рассмотрим их на примере литературы.

1. Спонтанное. Создание оригинального произведения, которое впоследствии находит много продолжателей/подражателей, оказывается первым в ряду новых направлений, стилей, приемов или жанров. Это происходит без сознательного намерения автора и лишь впоследствии обнаруживает свое воздействие на литературу, становится точкой отсчета для последующих поколений. Так, изобретатель жанра научной фантастики – Мэри Шелли («Франкенштейн...», 1818), детектива – Эдгар По («Убийство на улице Морг», 1841).

2. Экспериментальное. Автор ставит своей задачей создать новый прием, жанр, тип повествования и подчиняет свое творчество, частично или полностью, этой цели. Таков «первенец» экспериментальной словесности – роман Лоуренса Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена». Джеймс Джойс, экспериментируя с языком и сюжетом, создает «Поминки по Финнегану».

3. Программное. Автор не просто сочиняет экспериментальные произведения, но выдвигает целую программу трансформации литературы и сознательно основывает новое направление, то есть наряду с собственно художественными создает программные тексты, манифесты, прокламации, которые утверждают новый вид творчества. Так, предисловие Виктора Гюго к «Кромвелю» стало своего рода заявкой на «патент» – изобретение французского романтизма и его важнейшего художественного приема, гротеска. Эмиль Золя изобрел натурализм как литературное направление – не только в своих романах, но и в манифестах «Экспериментальный роман» (1880), «Романисты-натуралисты» (1881).

4. Системное. Это редкий случай, когда изобретательство не ограничивается какой-то одной идеей, приемом, литературным направлением, но осуществляется систематически в разных областях творчества. Авторы ставят своей задачей именно изобретение новых приемов, стилей, жанров. Такова деятельность УЛИПО – «Цеха потенциальной литературы», образованного в Париже в 1960 году (Р. Кено, Ж. Перек, И. Кальвино и др.). В русской литературе черты такого системного изобретательства можно найти у А. Белого и В. Хлебникова.

Гуманитарное изобретательство может также различаться по своим масштабам. Например, в лингвистической области можно изобрести целый язык (эсперанто), или алфавит (кириллица), или разговорную, осовремененную версию языка (иврит, возрожденный Э. Бен-Йехудой), или способы словообразования (как В. Хлебников или Дж. Джойс), или единичные слова, неологизмы (как М. Салтыков-Щедрин, создатель «благоглупости» и «злопыхательства»).

Таким образом, типология гуманитарного изобретательства основывается на пересечении по крайней мере трех координат:

- 1) дисциплина (философия, психология, язык, литература и т. д.);
- 2) тип (спонтанный, экспериментальный, программный, системный);
- 3) масштаб (целая область культурной деятельности, ее частичные формы или отдельные элементы).

В гуманитарной сфере гораздо труднее, чем в технической, выделить элементы изобретательства. За гуманитарные изобретения не выдают патентов – хотя было бы целесообразно ввести такой обычай и институцию, с целью вознаградить автора, пусть только морально, а главное – привлечь внимание к радикальным инновациям в области мышления и самосознания человечества.

Возникает вопрос: а можно ли учить и учиться гуманитарному изобретательству – в той же мере, в какой можно преподавать и изучать гуманитарные науки? Есть ли отделения в университетах, где мыслители-творцы, изобретатели литературы, такие как Фридрих Шлегель, Фридрих Ницше, Филиппо Маринетти, Андрей Белый, Виктор Шкловский, Андре Бретон или Вальтер Беньямин, могли бы найти себя как профессионалы?

За последние полвека в систему университетского образования США интегрировалась такая область деятельности, как литературное творчество (creative writing). На соответствующих отделениях профессиональные писатели обучают студентов искусству создания романов, рассказов, пьес, стихотворений. Нет принципиальных преград и для институционализации «творческого мышления» (creative thinking), творческой деятельности в области гуманитарных наук. Гуманитарное изобретательство имеет такое же право на свои университетские кафедры, как технологические, политические, медицинские, юридические дисциплины. Гуманистика призвана охватить оба способа интеллектуальной деятельности, признаваемой в науке: *изуче-*

ние существующих фактов и принципов – и *изобретение* идей и инструментов, способных преобразовать предмет изучения.

*Гипотетизм, Гуманистика, Гуманитарные практики и технологии, Креатема, *Культуроника*, Манифест, Мыслезнание, Науководство, Потенциация, Проективность, *Творчество*, Трансгуманистика, *Трансдисциплины*

О гуманитарном изобретательстве // Новое литературное обозрение. № 138. 2016. С. 220–245.

Конструктивный. С. 1–74.

Творчество. С. 23–31.

ГУМАНИТАРНЫЕ ПРАКТИКИ И ТЕХНОЛОГИИ

ГУМАНИТАРНЫЕ ПРАКТИКИ И ТЕХНОЛОГИИ (humanistic practices and technologies). Конструктивные практики, возникающие на основе гуманитарных наук и преобразующие то, что они изучают; система приемов, «техник», осуществляющих такое преобразование. Технологии отличаются от практик тем, что предполагают более высокий уровень рефлексии, методологической артикуляции и фиксации, раскладывают действия на ряд приемов, стадий, процедур. Гуманитарные технологии пользуются идеями и понятиями гуманитарных наук, например культурологии, эстетики или лингвистики, для практической работы по трансформации культуры, искусства, языка.

У гуманитарных наук, исследующих культуру, должна быть своя *практическая ветвь*, аналогично тому, как на основе естественных наук строятся промышленные, инженерные, биологические, медицинские, электронные, космические технологии, а на основе социальных и юридических наук – различные формы политики: экономическая, административная, демографическая, законодательная и пр. Такой ветвью, специфической для гуманистики, нельзя считать образование, поскольку эта педагогическая функция действует и в других областях знания (преподавание естественных и социальных наук). На эту роль также не подходит административное управление культурой или ее техническое или экономическое обеспечение (менеджмент, маркетинг, дигитализация), поскольку на культуру при этом распространяются методы научно-технических или социально-политических практик.

Гуманитарные практики и технологии имеют свою древнюю историю. В свое время естественные науки позаимствовали понятие «техне» именно у сферы культуры: греческое «*techne*», собственно, и означает «искусство, художество, мастерство». У Платона и Аристотеля к области «*techne*» относятся врачевание, охота, домостроительство, ткачество, ваяние, пророчество, игра на лире и флейте. Пришла пора гуманитариям возратить себе это «техне», которое перешло в ведомство естественно-научных технологий, хотя изначально принадлежало именно сфере гуманитарно-практической.

При этом следует различать первичные искусства, которые выступают объектом изучения в гуманитарных науках, и вторичные, рефлексивные практики (искусства, технологии), которые формируются на основе наук или во взаимодействии с ними. Например, поэзия, живопись, ваяние – первичные искусства; поэтика, литературоведение, искусствоведение – науки, исследующие эти искусства; а программы и манифесты новых литературных и изобразительных направлений, написанные на языке теоретических понятий, но призванные конструктивно воздействовать на художественные процессы, – область гуманитарных практик и технологий, куда входит также **гуманитарное изобретательство*.

Гуманитарные практики и технологии составляют сферу *трансгуманистики, но не совпадают с ее делением на дисциплины (*культуроника, трансформативная философия, трансформативная поэтика и другие *трансдисциплины). Практики могут пересекать границы раз-

ных дисциплин (например, *аугментация, *ноофикация, *потенциация) или быть в принципе не- или сверхдисциплинарными (*коллективная импровизация, *метапрактика).

*Гуманитарное изобретение, Концептивизм, Культуроника, Манифест, Потенциация, Проективность, Трансгуманистика, Трансдисциплины
Конструктивный. С. 1–74.
Творчество. С. 20–43.
Humanities. P. 11–15.

ГУМАНОЛОГИЯ

ГУМАНОЛОГИЯ (humanology). Гуманитарный подход к тем областям знания, которые традиционно изучаются другими науками – естественными и общественными. Например, природа, космос, человеческое тело специально изучаются физикой, химией, биологией, физиологией и т. д. Совокупность гуманитарных подходов к этим областям образует гуманологию природы, космоса, тела и т. д. Гуманология – гуманитарное мышление о негуманитарном, своего рода *пангуманистика* (*panhumanities*), которая включает предметы других наук в сферу своих интересов, поскольку нет ничего в мире, что не имело бы интереса для человека и не формировало бы его сознание и самосознание.

Возможность гуманитарного подхода к «негуманитарным» предметам обусловлена еще и тем, что между методом и предметом изучения нет жесткой, детерминистской связи. Человек может рассматриваться с гуманитарной точки зрения (философия, культурология и т. д.) – или с естественнонаучной (физиология, анатомия, медицина, сексология). Так и традиционные предметы естественных наук могут рассматриваться в гуманитарной перспективе. Например, *эротология (в отличие от сексологии) – это гуманитарный подход к сексуальности; *вита-листика (в отличие от биологии) – гуманитарный подход к жизни, к живому; *техногуманистика и *технософия – гуманитарный подход к технике. Совокупность таких гуманитарных подходов к негуманитарным предметам и образует *гуманологию* – в отличие от традиционных гуманитарных дисциплин.

Особенность гуманологии – ее ярко выраженная междисциплинарность или трансдисциплинарность. Если собственно гуманитарные дисциплины тяготеют к специализации в соответствии с требованиями своего предмета (язык, литература, искусство и т. д.), то гуманология, обращаясь к несобственно гуманитарным явлениям, демонстрирует единство и взаимосвязь разных гуманитарных подходов. Например, работы Г. Башляра по психоанализу природных стихий: «Психоанализ огня», «Вода и грезы», «Воздух и сновидения», а также «Поэтика пространства» – соединяют в себе черты философских, психологических, лингвистических, литературоведческих, искусствоведческих исследований. Работы Г. Гачева «Гуманитарный комментарий к физике и химии» и «Математика глазами гуманитария» также охватывают широкий спектр междисциплинарных подходов, сочетая метафизику, логику, лингвистику, поэтику, этнологию. Можно вывести правило: чем дальше предмет исследования отстоит от традиционных гуманитарных областей, тем более сплоченно выступает гуманистика в единстве своих дисциплин и методов, чтобы постичь этот чуждый себе предмет с разных сторон.

Особый интерес в наше время представляет гуманология техники, изучающая трансформации человека и человеческого в процессе создания искусственных форм жизни и разума. По мере того как машины, компьютеры овладевают традиционными областями человеческого мышления и действия, возникает примерно такое же отстраненное и остраивающее отношение к человеку, как к природе в рамках экологии, – отношение к исчезающему виду, который требует сохранения. Технизация человеческих способностей происходит одновременно с *архаизацией и экологизацией самого человека*. Предмет гуманологии – это человеческое, которое интегрируется в техносферу – и человеческое, которое остается за пределом техносферы.

Соответственно возникают два направления в гуманологии:

*техногуманистика – о функциях человека, передаваемых машине, интегрируемых в новых техно-организмах, способных к дальнейшему самостоятельному развитию и все менее зависимых от их прародителя, *homo sapiens*;

*экогуманистика – о специфике человека, несводимой к технике, о человеке как о природном, смертном существе, продукте биологической эволюции, физически несовершенном, эмоциональном, психически уязвимом, творчески одаренном, культурно дерзающем.

*Виталистика, Онтотехника, Техногуманизм, *Техногуманистика*,
Технософия, *Экогуманистика*
Знак. С. 601–613.
Творчество. С. 117–131.
Humanities. P. 133–149.

ИНДИВИДЫ-УНИВЕРСАЛИИ

ИНДИВИДЫ-УНИВЕРСАЛИИ (individuals-universals). Соединение в одном термине личного имени и общего концепта.

Язык гуманитарных наук делится на два типа знаков: общие термины, обозначающие универсалии, и имена собственные, обозначающие индивидов. Например, в литературоведении говорится, с одной стороны, о жанрах, методах, направлениях, композиции, сюжете, с другой – о Шекспире, Гете, Пушкине, Толстом и т. д. Характерны сочетания личных имен и общих терминов: «символика Данте», «метафора у Шекспира», «поэма Пушкина», «роман-эпопея Л. Толстого», «футуризм Маяковского» и т. п.

Однако между личными именами (индивидами) и общими терминами (универсалиями) существует также промежуточная концептуальная зона: категории, образованные от самих имен, или универсальность самих индивидов. *Шекспировское, гетевское, пушкинское, толстовское, набоковское* (the Shakespearean, the Pushkinian, the Tolstoyan)... Эти **именные термины*, или *терминированные имена*, указывают на *личные коды* их создателей: не просто на индивидов в биографическом и историческом плане, но на выстроенные ими универсумы, модели мироздания. «Шекспировское» или «толстовское» – это знаки *универсальных индивидуальностей*, или *индивидуальных универсумов*; это решающее, связующее звено между личными именами и общими терминами, которыми оперируют гуманитарные науки.

Совокупность авторских высказываний (произведений Шекспира или Толстого) содержит в себе свой собственный язык, систему знаков и правил их сочетания. В отличие от общенародного, естественного языка (русского, английского и т. д.), эти индивидуальные языки уместно называть «кодами», поскольку они носят искусственный характер, создаются автором на основе тех языков, которые он получает в наследство (национальный, эпохальный, художественный и прочие языки). Например, *пушкинское* – это личный код Пушкина, созданный им на основе русского языка, языка поэзии начала XIX века, языка Просвещения, романтизма и т. д.

Следует отличать личный код от индивидуального стиля (идиостиля): последний относится к своеобразию речи, стилового поведения данного автора. Личный код – это явление не индивидуальной речи, а *индивидуального языка*, то есть той системы знаков (концептов, категорий, универсалий), которая производит всю совокупность индивидуальных сообщений, но остается скрытой в них. Личные коды играют огромную роль в культуре. По сути, в литературе нет ничего, кроме *шекспировского, дантовского, толстовского*, а также *трифоновского, пелевинского* и т. д. (в этот перечень входят имена всех писателей, от великих до заурядных). Можно даже считать, что универсалии, то есть общие, нарицательные категории – это лишь удобные абстракции, позволяющие сравнивать и оценивать индивидуальное. Байроновская поэма, пуш-

кинская, лермонтовская... «Поэма» здесь – это способ сопоставить *байроновское, пушкинское* и *лермонтовское*, то есть обогатить наше представление о личных кодах путем нахождения их общих признаков (общий трем названным писателям жанр – поэма; направление – романтизм, и т. д.).

Общие категории и авторские личности образуют взаимодополнительные «гештальты» теоретического поля, подобно тому как одни и те же узоры на рисунках М. К. Эшера могут быть увидены как птицы или рыбы. Взгляд на литературу может выделить в ней жанры, приемы, идеи и направления, заполняемые именами писателей, которые наглядно представляют и иллюстрируют эти общие категории. И наоборот, можно увидеть в литературе множество личных кодов, обозначенных именами писателей – и пересеченных общими категориями, которые служат для наглядного сопоставления и индивидуализации этих кодов. Персоналистический подход менее развит в гуманитарных науках и поэтому нуждается в особом внимании и теоретической разработке. В еще большей степени это относится к личным кодам ученых-гуманитариев, философов, филологов, психологов, которые привлекают внимание гораздо реже, чем общие концепты и категории, обсуждаемые в соответствующих дисциплинах. Между тем очевидно, что философия – это *декартовское, кантовское, ницшеовское, сартровское* не в меньшей степени, чем такие категории, как *идея, разум, субстанция, тождество, истина, красота* и т. д. А российское литературоведение – это *тыняновское, бахтинское, лотмановское, аверинцевское*...

Личные коды – писателей, литературоведов, философов – далеко не ограничиваются их собственными произведениями. Например, *пушкинское* можно найти не только в сочинениях самого Пушкина, но и у Лермонтова, Чехова, Набокова – в той степени, в какой они пользовались пушкинским кодом для решения своих художественных задач. *Пушкинское* можно найти даже у предшественников Пушкина, например у Жуковского или Батюшкова, в той мере, в какой их отдельные строки и образы предвещают пушкинский код. Такой подход требует дальнейшего терминологического расширения и позволяет говорить не только о пушкинском, но и *пушкинианском*, не только набоковском, но и *набоковианском*, а также *шекспирианском, гетеванском, кантианском, гегельянском, ницшеанском, чеховианском, бахтианском*, в их отличии от шекспировского, гетевского, ницшеовского, чеховского, бахтинского и т. д. Это суффиксальное наращение «ан», уже употребляемое в ряде категориальных прилагательных от имен собственных («кантианский», «ницшеанский» и т. п.), указывает на трансперсональные свойства личного кода, который перешагивает границы творческой идентичности данного автора и становится общим предикатом культурных явлений, сохраняя вместе с тем свое вполне индивидуальное именование и характеристику. *Кафковское* свойственно только Францу Кафке, тогда как *кафкианское* можно найти у множества писателей, живших как после Кафки, так и задолго до него. Например, Х. Л. Борхес нашел *кафкианское* у древнегреческого философа Зенона, китайского автора IX века Хань Юя, датского мыслителя С. Кьеркегора и французского прозаика Леона Блуа (эссе «Кафка и его предшественники»). Ницшеовское – то, что присуще Фридриху Ницше и только ему; *ницшеанское* – это личный код Ницше, которым шифруется определенного рода политика, эстетика, мораль, поэзия, творимые уже без личного участия Ницше. Ницше может рассматриваться как *субъект* некоей деятельности (жил, ходил, путешествовал, дружил, думал, писал...) – и как ее *предикат*. М. Горький или Вяч. Иванов как индивиды не были тождественны Ницше, но они «ницшеанствовали», то есть в той или иной степени усваивали личный код Ницше, который становился предикатом их деятельности. «Ницшеанствовать» – значит думать, мечтать, говорить, действовать в духе, манере Ницше, и самые разные субъекты – индивиды, партии, художественные течения – могут временно или постоянно характеризоваться этим предикатом.

Такие именные *предикаты* определяют соотношение индивидов и универсалий в культуре. Все участники семиосферы под названием «русская культура» в той или иной степени

«пушкинствуют», «толстовствуют», пользуются в своей самореализации личными кодами, внесенными в культуру названными индивидами. Некоторые имена, например Достоевского или Чайковского, выходят за границы национальной культуры и становятся предикатами мировой. «Достоевствовали» В. Розанов, Т. Манн, А. Жид, А. Камю, У. Фолкнер, Л. Леонов – и много других менее известных писателей. Эта *предикатность имени*, способность личности быть не только конкретным «кем», но и «чем» и «как», определяет систему знаковых координат в культуре.

*Есмь-истина, Именные термины

Личный код: индивиды и универсалии в гуманитарных науках // Философские науки. 2009. № 10. С. 10–29.
Творчество. С. 429–443.

МИКРОЖАНРЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ

МИКРОЖАНРЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ (intellectual microgenres). Малые по объему жанры интеллектуальной словесности, которые остаются невостребованными в системе современных академических публикаций и институций: манифесты, афоризмы, фрагменты, тезисы, наброски, программы, эссе.

Поэтика краткости берет свое начало в Античности (афоризмы, гномы, эпиграммы) и на протяжении веков вдохновляла самые радикальные умонастроения и самые динамичные и трансформативные жанры: тезисы М. Лютера и К. Маркса, «Мысли» Б. Паскаля, фрагменты немецких романтиков, афоризмы Ф. Ницше. Когда Ф. Шлегель хотел придать соразмерную жанровую форму своим идеям, он назвал их просто «идеи», и каждая из них занимала не больше нескольких строк. «Тезисы о Фейербахе» К. Маркса дали толчок многим направлениям мысли, но в сегодняшних академических изданиях вряд ли нашлось бы место для двух страниц с 11 тезисами, поскольку их жанр сочли бы ненаучным. Самым креативным, лаконичным, энергичным жанрам интеллектуального дискурса нет доступа в академическую науку и прессу.

По словам Ф. Ницше, «не следует утаивать и скрывать *факты* того, как наши мысли приходят к нам. Во всех самых глубоких и неисчерпаемых книгах есть что-то афористическое и неожиданное, как в *Мыслях* Паскаля»³⁰. Знаменательно, что «Мысли» писались начерно, как основа для трактата о системной теологии, и так и не были завершены в соответствии с замыслом автора. Но то, что это были только наброски или идеи в чистом виде – семена, а не плоды мысли, – наделяло их особой энергией, присущей эмбрионам. Потенциал их воздействия на читательское сознание возрастает оттого, что они предстают не как законченные мысли, а именно как ростки, обращенные к сомыслию и сотворчеству.

Изобретательская деятельность в гуманистике предполагает создание рискованных гипотез, которые могут быть подтверждены или опровергнуты другими исследователями, а также эскизов, проектов, которые могут быть доработаны или завершены другими авторами. Некоторая шероховатость, незавершенность интеллектуального продукта может оказаться не помехой, а, наоборот, стимулом дальнейшего творческого развития и сотрудничества в профессиональных сообществах. Микрожанры отвечают ускоренным темпам современных коммуникаций и могут вдохнуть новую жизнь в гуманитарные дисциплины, которые сейчас, как никогда раньше, нуждаются в интеллектуальной концентрации и лаконичности³¹.

³⁰ Nietzsche F. Sämtliche Werke. Kritische Studienausgabe, 15 volumes / G. Colli and M. Montinari (eds). Munich: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1980. P. 35.

³¹ См.: Минима: *Журнал интеллектуальных микрожанров*, на сайте Центра гуманитарных инноваций Даремского университета (*Minima: A Journal of Intellectual Micro-Genres*) – <https://www.dur.ac.uk/chi/minima/>

*Гуманитарное изобретение, Гуманитарные практики и технологии,
Манифест, Микроника, Науковедство, Нулевая дисциплина
Творчество. С. 35–36.
Humanities. XII. P. 286–287.

НАУКОВОДСТВО

НАУКОВОДСТВО (invention of sciences). Теоретическая и практическая дисциплина обоснования и создания новых наук. Хотя многие науки зародились еще в древности, они продолжают возникать и в Новое и Новейшее время. *Науковедство* – это метадисциплина, которая на основе изучения и классификации существующих наук проектирует новые науки и способствует их теоретическому и практическому формированию.

Фрэнсис Бэкон, основоположник науки Нового времени, считал важнейшей ее задачей именно *изобретение наук и искусств* (the invention of arts and sciences). Важны изобретения внутри существующих дисциплин, но еще важнее – изобретать сами дисциплины. «Существуют два вида открытий, совершенно отличных друг от друга. Первый вид – это изобретение искусств и наук, второй – открытие доказательств и словесного выражения. Я утверждаю, что первый из этих двух видов полностью отсутствует. <...> В развитии и расширении наук не достигнуто более или менее значительного прогресса, потому что до сих пор игнорируется необходимость существования особой науки об изобретении и создании новых наук. То, что следует создать такой раздел науки, – совершенно бесспорно»³².

Такая наука о создании новых наук отсутствует и сегодня, и несомненно, что исследовательские университеты нуждаются в центрах *науковедства – экспериментального науковедения и наукотворчества*.

В своей знаменитой классификации наук Ф. Бэкон не только обобщал факты об уже имеющих отраслях знания, но и под знаком «desiderata» – «желаемые» – выдвигал новые дисциплины, которые могли и должны были бы развиваться в будущем. Так, знаком «desiderata» помечены «история наук и искусств», «теория машин», «учение о расширении границ державы» и прочие дисциплины, развившиеся лишь столетия спустя. Причем сам Бэкон не только отмечает отдельные науки как «недостающие и нуждающиеся в развитии», но и предлагает примеры такого развития – экспериментальные трактаты по несуществующей области знания. Так, о науке, которую Бэкон аллегорически называет «консулом в военном плаще» и которая впоследствии стала «геополитикой», он замечает: «... мы считаем необходимым отнести ее к числу наук, требующих развития, и, как мы это всегда делаем, приведем здесь образец ее изложения». Далее следует «Пример общего трактата о расширении границ державы»³³. Таким образом, четыре века назад Бэкон создал своеобразную «периодическую таблицу», только обобщающую и предсказывающую не химические элементы, а научные дисциплины. Многие белые пятна в бэконовской таблице оказались со временем заполненными.

Хотя номенклатура признанных дисциплин насчитывает уже тысячи именованных, процесс их умножения неостановим и требует новых инвестиций воли и воображения. В XX веке были созданы такие науки и дисциплинарные поля, как кибернетика, семиотика, информатика, квантовая физика, психоанализ, гендерные исследования, когнитивистика, коммуникативистика, нарратология, грамматология и др.

Сфера воображения все более настоятельно входит в саму структуру развития знания, определяет ход научных революций. В наше время противопоставлять «науку» и «утопию», рассудок и воображение – значит не замечать движущих сил научно-технического прогресса.

³² Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук (1623) // Бэкон Ф. Соч.: В 2 т. Т. I. М.: Мысль, 1971. С. 88.

³³ Бэкон Ф. Соч.: В 2 т. 2-е изд. М.: Мысль, 1977. Т. I. С. 473.

Научное знание не подавляет сферу человеческих желаний, а, напротив, в своем поступательном развитии все полнее реализует их и само движется их силой. В этом смысле «желательные науки» Ф. Бэкона – едва ли не первый сознательный синтез «науки» и «желания», выражение таких глубинных и общественно значимых желаний, которые движут развитие самой науки.

К началу XXI века обнаружилось, что мы уже и вправду живем в полуфантастическом мире, причем сама наука оказывается наиболее грандиозной, убедительной и действенной из человеческих фантазий. Движение науки, особенно в области электронно-информационных и биогенетических технологий, сравнялось с воображением фантастов и отчасти опередило его. Сеть-на-весь-свет, моментально передающая любое сообщение от каждого к каждому... Рост искусственного интеллекта и компьютерной памяти и появление на горизонте могучего племени киборгов, *всечеловеков, соединяющих интеллект с несокрушимым здоровьем, заменяемостью всех органов и практическим бессмертием... Открытие тайн генома, возможность производить существа с заранее заданными биологическими свойствами... Попыты синтеза биологии и социологии (социобиология), генетики и информатики (меметика)... Теории сложности и хаоса, синергетики, которые обнаруживают странность, парадоксальность, непредсказуемость в основе повседневных явлений... «Теории всего», которые пытаются свести воедино все виды физических взаимодействий...

Многое из того, о чем грезил фантастика, вошло в повестку дня современной науки. Тем самым наука и фантастика как бы меняются ролями. Если в научной фантастике наука дает пищу фантазии, то теперь все более очевидно обратное: фантазия дает пищу науке. Наука становится знанием о том, чего еще никогда не было, и ее все труднее отделять от технологии, как открытия трудно отделять от изобретений. Если *научная фантастика* определяла наше видение будущего в прошлом веке, то нынешний принадлежит *фантастическим наукам*, которые переводят наше воображение в знание будущих вещей, а знание – в их создание.

Роль фантазии в науке отнюдь не ограничена задачей ее популяризации, доходчиво-увлекательного изложения, но находится в самом центре познавательной деятельности. Наряду с популяризаторскими сочинениями: «занимательная математика», «занимательная физика», «занимательная лингвистика» и пр. – возможны и работы другого, экспериментального рода. Их задача – формировать теоретическое воображение, научную фантазию, ту человеческую способность, которая, по словам Пушкина, нужна не только поэту, но в равной степени и математику. Этот цикл возможных, желательных, «воображаемых» дисциплин: виталистика, гуманология, культуроника, микроника, реалогия, семиургия, скрипторика, тегименология, технософия, хоррология и др. Такова динамика научных революций в XXI веке: не только убыстряются переходы к новым понятиям и методам в традиционных дисциплинах, но и ускоренно возникают радикально новые парадигмы, которые не вмещаются ни в одну из признанных, академических дисциплин. Одна из целей науководства – исследовать саму модель порождения наук, общие «алгоритмы», действующие при образовании как семиотики, так и реалогии или микроники.

*Возможностное, Гипотетизм, Креаторика, Обратимые дисциплины,
Потенциация, Проективность, Софийные дисциплины, Творчество,
Трансгуманистика, Трансдисциплины
Знак. С. 595–601.
Творчество. С. 114–117.
Humanities. P. 15–17.

РЕПОЗИТАРИЙ ГУМАНИТАРНЫХ ИДЕЙ

РЕПОЗИТАРИЙ ГУМАНИТАРНЫХ ИДЕЙ (repository of ideas in the humanities). Система собирания и распространения новых идей в гуманитарных дисциплинах. Этот элек-

тронный архив мог бы принимать и распространять препринты до того, как профессиональные журналы примут решение об их публикации. Такая база данных для физики, математики и других точных наук существует в библиотеке Корнелльского университета по адресу: *arXiv.org*. С 1991 года там собрано около миллиона работ, в том числе выдающихся, удостоенных престижнейших международных премий. Следовало бы учредить аналогичный электронный репозиторий и в гуманитарных науках. Его задачей было бы представлять идеи в наиболее прямой и концентрированной форме: не как «статьи», обремененные вторичной информацией, а именно как новые идеи, – и выносить их на публичное обсуждение³⁴. К научному познанию приложимо то же правило, что действует в юриспруденции: лучше оправдать десять виновных, чем осудить одного невинного. Лучше огласить десять сомнительных идей, чем замолчать одну истинную.

Для Нильса Бора критерием ценности идеи было творческое безумие. «Вопрос в том, достаточно ли она безумна, чтобы быть правильной». Каков сегодня в гуманистике статус контринтуитивного мышления, выдвигающего идеи, противоречащие здравому смыслу? Речь идет о внесении частицы хаоса в систему общепринятых фактов и интерпретаций с целью дать ей заряд свежей энергии. Жан-Франсуа Лиотар называл это экспериментальной или «паралогической» наукой. Обречены ли мы на малопривлекательный выбор между прилежной, добросовестной эмпирикой и необузданным и бесцельным порывом к анархическим экспериментам?

В современных академических журналах нет места для публикации инновационных идей, бросающих вызов научным конвенциям. Самые оригинальные идеи встречают сопротивление в системе внутренних рецензий, которая предназначена поддерживать высокий профессиональный уровень публикаций, но вместе с тем поощряет интеллектуальный конформизм и посредственность. Чтобы успешно пройти сквозь фильтр анонимных отзывов, авторы сами должны заведомо «усредниться», отчасти жертвуя своей индивидуальностью. Создание гуманитарного репозитория могло бы способствовать более свободному и прямому распространению новых идей в научном сообществе.

*Гипотетизм, Гуманитарное изобретение, Микрожанры интеллектуальные, Науководство, Проективность Творчество. С. 33–34, 39–43. Transcultural. P. 49–51, 57, 277–281.

ТЕХНОГУМАНИЗМ

ТЕХНОГУМАНИЗМ (technohumanism). Позиция взаимообусловленности и соразвития человека и техники в цивилизации; представление о гуманистическом смысле техноэволюции, о самореализации человека в создании искусственного разума.

На рубеже тысячелетий становится все яснее, что медленная эволюция разума в форме человека как биологического вида подходит к новому рубежу – этапу ускоренной эволюции разума в виде информационно-кибернетических систем, быстро сменяющих друг друга на основе непрерывно растущих вычислительных и производительных мощностей. При этом возникают три позиции.

Первая позиция: *постгуманизм* (или *трансгуманизм*). Человек – существо биологически рудиментарное, на смену ему придут более совершенные киборги, бесконечно самосовершенствуемые технические или биотехнические носители разума. Постгуманизм нацелен на возникновение так называемой сингулярности, взрывной точки развития, которая современными футурологами, такими как Рэй Курцвайл, прогнозируется на середину XXI века. Тогда созданные человеческим интеллектом механизмы и компьютерные системы выйдут на передний край

³⁴ См.: Репозиторий новых идей (Repository of New Ideas) на сайте Центра гуманитарных инноваций Даремского университета: <https://www.dur.ac.uk/chi/ideas/>

эволюции разума и поведут за собой людей, все более отстающих от технического прогресса. Традиционные эмоциональные, эстетические, этические составляющие человечности уйдут в область архаики. Такова позиция фанатов технического прогресса, искусственного разума и т. д.

Вторая позиция: *антитехницизм*. Кибернетические организмы и мыслящие механизмы опасны и неуправляемы, овеществляют и обездушивают человека. Техника, и особенно высшая, интеллектуализированная, уводит человека от сокровенной истины бытия, от духовных глубин и божественных тайн. В этом антитехницизме сходятся многие верующие разных конфессий, а также руссоисты, националисты, традиционные гуманисты, экзистенциалисты, хайдеггерианцы, неоязычники, зеленые, *экофашисты и многие другие.

Третья позиция: *техногуманизм*. Техника – такое же проявление человеческого гения, как искусство. Художник дарует своим персонажам свободу от себя самого – и чем одареннее автор, тем более живыми, самодостаточными и своевольными предстают его персонажи. Следует допустить такую же свободу и за техническими созданиями человека, воплощенными не в словах, красках или мраморе, а в квантах, атомах, лучах, микросхемах, алгоритмах.

Как ни пугающе выглядят перспективы постепенного растворения человека в машинно-информационной цивилизации, оно заложено в творческой природе самого человека, его способности к самотрансценденции, перенесению своей сущности в нечто радикально отличное от себя. Техногуманизм строит свое представление о человеке на основе его способности к самоотчуждению, созданию самодействующих кибернетических существ и искусственного разума. Если человек создан свободным, по образу и подобию своего Творца, то он может и дальше передавать эту эстафету свободы своим творениям, наделять их той же суверенностью мышления и деятельности, какую сам получил от Бога? Человек должен принять свободу своих творений, включая возможность «*агуманизма*» (ahumanism) с их стороны, как Творец принимает свободу своих созданий, людей, вплоть до их атеизма. Исчезая и «самоистощаясь» во все более совершенных и автономных творениях своего разума, передавая им свои способности и свойства (вычисления, коммуникации, моделирования, накопления и обмена информации и т. д.), человек обретает новую, «сверхчеловеческую» жизнь в своих творениях.

Вместе с тем техногуманизм отказывается участвовать в поминках по человеку, которые справляют недалёковидные технократы и футуристы: для них рост информационной мощности машин, их растущая интеграция (между собой) и автономизация (от человека) свидетельствуют о конце человеческого этапа истории. Предвосхищая новый, «постбиологический» этап развития цивилизации, не следует хоронить человека, отождествляя его тем самым с его биологическим субстратом. Для техногуманизма быть человеком – значит выходить за грань «человеческого, слишком человеческого», по образу самого Творца, который выходит за грань «божественного, слишком божественного», создавая мироздание и в нем – человека.

*Кенозис, Концептивизм, Онтотехника, *Техногуманистика*, *Технософия*,
Технотеизм
Творчество. С. 119–122.
Humanities. P. 133–136.

ТЕХНОГУМАНИСТИКА

ТЕХНОГУМАНИСТИКА (technohumanities). Совокупность гуманитарных подходов к технике; изучение того, как сущность человека выражает себя в технике и как развитие техники меняет самого человека.

Если определить передовой рубеж современной цивилизации, то это создание интерфейса между человеком и разнообразными технологиями: электронными и генетическими, нано- и нейро-. Такие интерфейсы строятся:

1) между организмом и технологией: создание искусственных органов; биопринтеры, печатающие ткани на биобумаге, причем в картриджах у них вместо чернил живые клетки; генная терапия – введение в организм новых генов или изменение имеющихся для лечения наследственных заболеваний; доступ к управлению собственной генетической программой;

2) между мозгом и электроникой: расширение сознания, построение интерфейса между нейронной и электронной сетью; когнитропные препараты, способные сделать человека «умнее»; нейроимплантаты, искусственные органы чувств, аппараты для чтения мыслей и управления мозгом на расстоянии.

Техногуманистика – это переплетение гуманитарных и технических дисциплин в соответствии с тем интерфейсом *homo* и *techné*, который создается сейчас на наших глазах. Каждый из технических прорывов меняет наше представление о сущности и способностях человека. Причем, в отличие от природных условий и катаклизмов, которые воздействуют на человека извне, через технику он сам воздействует на себя. Поскольку техника создается человеком, то техногуманистика – это *сверхгуманистика*, наука о человеке, переступающем свои видовые границы, о трансформациях человеческого в процессе создания искусственных форм жизни и разума, потенциально превосходящих биологический вид *homo sapiens*.

На рубеже XX – XXI веков вырисовывается новое соотношение между тремя основными дисциплинами изучения человека: антропологией, гуманитарными науками и техногуманистикой. Разница между ними соответствует трем основным эпохам в развитии цивилизации: доисторической, исторической и трансисторической.

Антропология изучает человека как биологический вид, важнейшей особенностью которого является культурная эволюция; как отдельную ветвь естественной эволюции животного царства. Предмет антропологии – физиология, раса, этнос, примитивные формы хозяйства и религии, биологическая, социальная и культурная специфика вида *homo sapiens* в его переходе из природы в культуру. При этом культура берется в своих ранних, нерасчлененных, синкретических формах, в связи и по контрасту с природой, а не в исторически более поздних внутренних своих подразделениях.

Гуманитарные науки изучают человека как суверенного субъекта, творца и распорядителя окружающей его знаковой, культурной вселенной. Они имеют дело с различными областями развитой и дифференцированной культуры, с целенаправленными творческими усилиями человека: философия, нравственность, язык, литература, искусство, психология... Отсюда и множественное число слова *humanities*, указывающее на расчлененность и многообразие человеческих способностей.

Техногуманистика изучает человека как часть техносферы, которая создается людьми, но постепенно охватывает и преобразует их. Человек предстает как создатель не только культурной среды, но и самодействующих форм разума, в ряд которых он сам становится – создатель среди своих созданий. Если антропология исследует специфические признаки человека среди других живых существ (животных и особенно высших приматов – гоминидов), то техногуманистика изучает его специфические признаки среди мыслящих существ, умных машин, техноорганизмов и коллективных форм сверхразума – *синтеллекта (киборгов, гуманоидов, андроидов, гиноидов).

Таким образом, техногуманистика зеркально симметрична антропологии, поскольку обе эти дисциплины обращаются к пороговой ситуации человека: на границах с природной и технической средой. Предмет антропологии – человечество, *вырастающее из природы*; предмет техногуманистики – человечество, *врастающее в технику*, которую оно само создает.

Техногуманистика относится к гуманитарным наукам, как экология – к наукам естественным. Физика и биология изучают природу «как таковую», а экология рассматривает ее во взаимоотношении с человеком, как часть человечески формируемой среды. Подобным же образом гуманитарные науки изучают «человека как такового», а техногуманистика изучает человека как часть технически формируемой среды, как один из видов разумных существ, «биовид» (разумный организм), наряду с возможными «техновидами» (формами искусственного разума). Техногуманистика также изучает способы взаимодействия между *био* и *техно* в человеке, технизацию организма и очеловечивание машины.

Техногуманистика – это *технология человека* (киборга) и вместе с тем *антропология машины* (робота), то есть наука о взаимном перераспределении их функций. Человек интегрирует в себя машину, а машина интегрирует в себя человека. Таким образом, вырисовывается обширная программа техногуманитарных исследований, которая включает следующие вопросы.

1. Какие из способностей и функций человека возможно и целесообразно передавать машинам и программам?

2. Какое воздействие на развитие человека оказывает технизация ряда его функций? Приведет ли это к развитию других человеческих способностей? Будет ли усиливаться духовная составляющая культуры? Есть ли предел зависимости человека от созданных им технических систем, переступая который он деградирует, подобно тому как у человека, ведущего сидячий образ жизни, атрофируется двигательный аппарат? Возможно ли такое угасание интеллектуальных способностей по мере их ассимиляции искусственным разумом?

3. Какие новые, специфические формы приобретут наивысшие творческие способности человека по мере все более совершенной их имитации техникой – например, поэзия, живопись, философия? Какие человеческие свойства и способности окажутся наименее доступными для технизации и будут ли они задействованы в развитии цивилизации или постепенно отомрут как рудименты?

4. В какой степени техника, усваивая человеческие способы деятельности, сама может становиться предметом гуманитарных наук (технопоэтика, технофилософия и другие, пока не предсказуемые технодисциплины, изучающие творчество искусственного разума)?

*Гуманология, Онтотехника, *Техногуманизм*, Техномораль, *Технософия*, Экогуманистика

Техника – религия – гуманистика: Два размышления о духовном смысле научно-технического прогресса // Вопросы философии. 2009. № 12. С. 19–29.

Творческое исчезновение человека. Введение в гуманологию // Философские науки. 2009. № 2. С. 91–105.

Знак. С. 601–613.

Творчество. С. 117–131.

Humanities. P. 133–140.

ТРАНСГУМАНИСТИКА, ТРАНСФОРМАТИВНАЯ ГУМАНИСТИКА

ТРАНСГУМАНИСТИКА, ТРАНСФОРМАТИВНАЯ ГУМАНИСТИКА
(transhumanities, transformative humanities). Гуманитарное мышление и деятельность, направ-

ленные на конструктивное развитие тех областей культуры, которые изучаются гуманитарными науками.

Преобразовательный потенциал гуманитарных наук еще не нашел признания в системе академических дисциплин и университетских программ. У естественных и социальных наук есть практические надстройки – методы преобразования того, что они изучают, а у гуманитарных эта надстройка отсутствует, точнее, еще не приобрела своего места и функции в системе наукознания и преподавания.

ПРЕДМЕТ	НАУКИ	ПРАКТИКА
Природа	Естественные	Техника
Общество	Социальные	Политика
Культура	Гуманитарные	?

У естественных наук (физики, химии, астрономии, биологии и др.) есть область практической применимости – техника, которая преобразует то, что они исследуют: природу. Например, авиационная или космическая техника работает на основе принципов, разработанных физикой, и преобразует природу на основе познания ее законов. Общественные науки (экономика, социология, юриспруденция, политология, география и др.) через свою практическую надстройку – политику – воздействуют на общество. На этой основе возникают практические дисциплины – разные виды политики: экономическая, государственно-административная, социальная, национальная, культурная, внутренняя, внешняя...

Может ли у гуманитарных наук быть особая практическая ветвь, свои способы воздействия на культурную жизнь? Трансформативная гуманистика призвана так же преобразовывать культуру, как техника преобразует природу, а политика – общество. Гуманитарные науки остро нуждаются в своей собственной «технологии» и «политике» – отсюда и постоянные попытки технологизировать или политизировать гуманитарное мышление, пренебречь его спецификой ради выхода в конструктивное измерение. Технологизация гуманитарных наук на манер естественных – это попытки их кибернетизировать, дигитализировать, предпринимавшиеся еще в структурализме. Политизация гуманитарных наук – это подчинение их разнообразным дискурсам власти, социальному заказу, правящей идеологии. Тем самым гуманитарным наукам придается практическое измерение других наук, чуждое их специфике, и компрометируется сама возможность гуманитарных практик. Задача в том, чтобы придать гуманитарным дисциплинам практическую направленность, не отменяя, а, напротив, полностью раскрывая их специфику.

Речь идет не о первичных искусствах (поэзия, музыка, живопись, театр, кино и т. д.), которые *изучаются* гуманитарными науками, а о *вторичных* искусствах, практиках, технологиях, возникающих на основе самих гуманитарных наук. Как на основе естественных наук вырабатываются техники (искусства) преобразования природы, так и на основе гуманитарных наук могут вырабатываться искусства преобразования культуры. Перед ученым-естественником часто встает вопрос: какие новые практические возможности содержатся в его открытиях? Такой же вопрос уместно ставить и перед гуманитариями.

Задача *трансформативной философии* – проектировать онтологию виртуальных миров, исходные параметры их бытия, метрику времени-пространства, познавательные и ценностные ориентиры, новые универсалии и универсумы, которые могут оказаться все более осязаемыми и обитаемыми по мере развития электронных технологий (*концептивизм, *потенциация, **умножение сущностей*). Практические задачи лингвистики и семиотики – создание новых знаков, лексических единиц, грамматических моделей, увеличивающих богатство и выразительность языка, расширение семиосферы, построение новых знаковых систем (*лингводизайн, **проективная лингвистика*, *семиургия). Трансформативная задача культурологических прак-

тик – разрабатывать проекты новых культур и цивилизаций, в том числе экспериментальных и основанных на взаимодействии естественного и искусственного интеллектов (*культуроника, *транскультура).

Гуманитарные науки, в силу своей специфической обращенности на субъект познания, по существу даже более конструктивны, практически ориентированы, чем естественные и социальные. Каждый акт самосознания есть акт самопостроения, так как нельзя до конца выполнить сократовское «познай самого себя». Поскольку гуманитарные науки не могут быть целиком «научными» (см. *гуманистика), они «обречены» конструировать и трансформировать свой предмет. Именно вследствие своей «врожденной» и неизбежной конструктивности гуманитарные науки позже приходят к осознанию ее методологических и институциональных возможностей, чем науки естественные и общественные. Естественные науки не составляют часть природы, тогда как гуманитарные науки составляют часть культуры, которая через них рефлектирует над собой и преобразует себя. Выделить этот конструктивно-преобразовательный компонент в гуманистике труднее, чем технологический – в естественных науках, которые трансформируют природу извне, а не культуру – изнутри.

Таким образом, на место вопросительного знака в вышеприведенной схеме ставится *трансгуманистика*, то есть совокупность трансформативных практик и технологий в разных областях гуманитарных наук. Область трансгуманистики охватывает все практические дисциплины, возникающие на основе теоретических: *культуроника (на основе культурологии), **проективную лингвистику* (на основе лингвистики), трансформативную философию, эстетику, поэтику и т. д. (см. *трансдисциплины).

Трансформативную гуманистику (transformative humanities) следует отличать от *прикладной* гуманистики (applied humanities). Последняя включает архивное, библиотечное и музейное дело, медийные практики, менеджмент, маркетинг и образование в области культуры, дигитализацию, разнообразные формы сохранения и популяризации культурного наследия, организации досуга и т. п. Это распространение культуры в массы, ее материальное и социальное обеспечение, не равнозначно трансформативной гуманистике, которая включает **гуманитарное изобретательство* и создает новые ценности в культуре³⁵.

*Гипотетизм, *Гуманитарное изобретение*, *Гуманитарные практики и технологии*, Концептивизм, *Культуроника*, Манифест, Мыслезнание, Потенциация, Проективность, *Трансдисциплины*, Трансформация
Конструктивный. С. 1–74.
Творчество. С. 20–43.
Humanities. P. 11–15.

Эмерсон К. Трансформативная гуманистика Михаила Эпштейна: Пролог к будущему нашей профессии / Пер. с англ. М. Литвиновой // Новое литературное обозрение. № 131. 2015. С. 245–256.

ТРАНСДИСЦИПЛИНЫ, ТРАНСФОРМАТИВНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ

ТРАНСДИСЦИПЛИНЫ (transdisciplines), **ТРАНСФОРМАТИВНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ** (transformative disciplines). Практические дисциплины, которые возникают на основе теоретических дисциплин и ведут к трансформации предметов их изучения – языка, литературы, искусства и т. д. Например, *транслингвистика* (translinguistics) создает искусствен-

³⁵ Область трансгуманистики обоснована и конкретно разработана в книге: Epstein M. The Transformative Humanities: A Manifesto. New York, London: Bloomsbury Academic, 2012. 318 pp.

ные языки или задает новые направления развитию естественных языков; *трансэстетика* (transaesthetics) принимает форму литературных программ и манифестов, определяющих новые пути искусства. Приставка «*транс-*» означает «за», «сквозь», «через», «по ту сторону» того, что обозначается корневой частью слова. В соединении с названиями теоретических дисциплин «*транс-*» обозначает те практики, которые возникают на их основе и ведут к трансформации изучаемых ими областей.

В литературоведении, наряду с тремя основными, общепринятыми разделами: *теорией*, *историей*, *критикой* литературы, необходимо указать место и для трансформативной деятельности, для обоснования новых текстуальных стратегий, приемов, жанров, направлений. Литературоведению нужен *четвертый* раздел, обращенный не к прошлому литературы (история), не к настоящему (критика), не к вечному (теория), а к ее будущему (прогностика, эвристика, креаторика). Речь идет о *практическом, экспериментальном* литературоведении, образцы которого мы находим у писателей, критиков и мыслителей, обосновавших новые направления литературы (романтизм, символизм, футуризм, сюрреализм и т. п.) или исследовавших возможности новых художественных форм: Н. Буало, братья Ф. и А. Шлегели, В. Гюго, Э. Золя, Ф. Маринетти, А. Бретон, Р. Барт, а в России – В. Белинский, Д. Мережковский, А. Белый, В. Шкловский... Область их усилий – не только поэтика или эстетика, которые исследуют законы литературы и искусства, но и *транспоэтика* и *трансэстетика*, которые открывают новые возможности литературы и искусства, пытаются преобразовать то, что они изучают. *Транслитературные практики*, начиная с программных выступлений Данте, Петрарки, а впоследствии классицистов, романтиков и т. д., не уступают в значимости литературоведению, и большинство новых теоретических идей пришло в литературную науку именно из программ новых литературных направлений.

Существующее деление культуры на первичные практики и изучающие их теории заведомо неполно и не позволяет определить характер творческого вклада многих выдающихся деятелей культуры, например, русского Серебряного века. Д. Мережковский, Вяч. Иванов, А. Белый были и писателями, и теоретиками, но в их работе присутствует нечто третье, чего нет ни у чистых художников (скажем, у Н. С. Лескова или А. П. Чехова), ни у академических ученых (как у А. Н. Веселовского или А. А. Потебни). Они не просто создавали литературу и не просто изучали ее, а прокладывали ей новые пути, открывали в ней новую эпоху и стиль, исходя из теоретического видения ее задач и возможностей. Они были не только *литераторами* и *литературоведами*, но и своего рода «*литературоведами*», то есть сочетали литературную практику (стихи, проза) с литературной теорией, а последнюю трансформировали в новую, вторичную практику, в *программу символизма как нового литературного направления* и даже *целого культурного движения*, в котором были художественная, теоретическая, фило-софская, религиозная, социальная составляющие...

Трансгуманистика охватывает собой все дисциплины, которые направлены на *трансформацию* того, что изучается соответствующими гуманитарными науками. Широчайшее поле применения имеет *транслингвистика*, которая создает искусственные языки или задает новые направления развитию естественных языков, исследует и реализует возможности словообразования и эволюции грамматических форм. Так, деятельность Л. Заменгофа, создателя международного языка эсперанто (1887), не относится к области лингвистики, хотя и развивается на ее основе. Именно сравнительный анализ существующих языков позволил Заменгофу синтезировать новый язык, сочетающий романские, германские, славянские элементы. Трансгуманистика охватывает практики второго, надтеоретического, а не дотеоретического уровня.

Каждая гуманитарная дисциплина, как целое, нуждается в практическом развитии, чтобы преобразовать знание в конструктивное мышление и творческий процесс. Лингвистика и семиотика призваны развивать лексическую и грамматическую систему языка и расширять семиосферу, создавать новые знаковые системы. Логика и психология – расширять возмож-

ности интеллекта и эмоциональной сферы, в том числе проектировать новые свойства искусственного разума. Эстетика и поэтика – очерчивать возможности новых художественных и литературных движений. Преобразовательный подход к предметам знания соответствует традициям гуманитарной мысли, которая в минувшие века двигалась в авангарде человечества и задавала вектор и смысл его исторического развития.

*Гуманитарное изобретение, Гуманитарные практики и технологии, Культуроника, Манифест, Проективная лингвистика, Проективность, Трансгуманистика

Конструктивный потенциал гуманитарных наук: могут ли они изменять то, что изучают? // *Философские науки*. 2008. № 12. С. 34–55.

Творчество. С. 25, 29–30, 39–43, 444–449, 454–455.

Humanities. С. 11–15, 287–292.

Лит.: *Лихачев Д. С.* Будущее литературы как предмет изучения // *Новый мир*. 1969. № 9; *Иванов Вяч. Вс.* Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. М., 2004.

ЧЕЛОВЕК

ЧЕЛОВЕК (chelovek; рус. человек + англ. love, любовь). Человек как существо любящее и призванное любить. В сердцевине русского слова «человек» читается английское «love» – любовь. Мысль А. Блока «только влюбленный имеет право на звание человека» может быть сжата в одно слово:

Чelovek – это звучит любовно!

Чelovek cheloveку – love.

Слово «человек» – не только о человеческой любви, но и о любви между алфавитами, латиницей и кириллицей, поскольку здесь наглядно представлена графика их сплетения. По мере того как латиница, благодаря распространению Интернета и росту глобальных коммуникаций, становится привычной для пишущих на кириллице, открываются новые источники смыслообразования в русских словах, через которые как бы проступают английские, – и наоборот. Содружество двух алфавитов – способ *метаграфического* (metagraphical) и метафорического взаимообогащения языков. Открывается много возможностей для прочтения неявных смыслов, которые могут лечь в основание подлинно общечеловеческого языка, одним из первых и насущнейших слов которого станет *chelovek*.

*Вочеловечение, Всечеловечество

Дар. Вып. 173. 4.3.2007.

ЧЕЛОВЕКОМЕРИЕ, ГУМАНОЦЕНТРИЗМ

ЧЕЛОВЕКОМЕРИЕ, ГУМАНОЦЕНТРИЗМ (humanocentrism). Представление о том, что «человек есть мера всех вещей» (Протагор). Человекомерие – основа гуманизма и секуляризма, поставившего человека в центр мироздания (антропоцентризм Возрождения), освободившая его от гнета клерикальных и тоталитарных идеологий и обеспечившая уже в Новейшее время высокий статус права человека в международном законодательстве. Вместе с тем человекомерие может рассматриваться как идеология видового высокомерия, биокультурного превосходства человека над другими формами бытия, включая животных и растения, а также неодушевленную природу, предметы потребления и создания техники. В этом плане

человекомерие может быть приравнено к расизму, сексизму и другим формам эксплуатации, неравенства, узурпации власти.

Подвергая человекомерие критике, следует учитывать два обстоятельства. Во-первых, эта критика, естественно, исходит от самих представителей человеческого рода и представляет собой расширенную и жертвенную форму гуманизма, распространяя на все сущее и внечеловеческое абсолютизацию кантовского категорического императива «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству». На место «человечества» в этом случае ставится «все живое», «все уникальное», «все сущее». Возможность выполнения такого абсолютного императива стоит под сомнением, поскольку все становится целью и, значит, не остается средств к ее исполнению (в виде природы или техники).

Во-вторых, на рубеже XX – XXI веков человекомерие из наступательной позиции все более переходит в оборонительную, отступая перед идеологией техноцентризма и футурологией искусственного разума, который уже в обозримом будущем обещает превратить человека, как «естественный разум», в архаический придаток саморазвивающейся киберцивилизации. На фоне воинствующего «постгуманизма» человекомерие выступает как центристская позиция, как способ сохранения подвижного баланса между природным и искусственным в развитии цивилизации.

*Вочеловечение, Всечеловечество, Гуманизмализм, Самобытие, Техногуманизм, Универсализм критический, Экофашизм, Юзеризм

ЭКОГУМАНИСТИКА

ЭКОГУМАНИСТИКА (ecohumanities). Исследование тех форм и признаков человеческого, которые постепенно уходят в прошлое в связи с развитием техносреды и соответствующих технических навыков и склонностей.

В высокоразвитом технологическом обществе, где многие человеческие функции переданы машинам, возникает примерно такое же *отстраненное* отношение к человеку, как к природе в рамках экологии, – отношение как к *исчезающему виду*. Уже в XVIII–XX веках объектом такого экологического внимания и ностальгического влечения, наряду с первозданной природой, становятся первобытные народы, архаические и традиционные культуры, то есть человек как предмет этнографии или культурной антропологии. Эта перспектива расширяется в будущее. Постепенно и «доэлектронный», «биологический» человек будет передвигаться в область *экологического* внимания и заботы, поскольку «современность» будет все более осознаваться как техносреда, из которой человеческая телесность и индивидуальность выпадают «в осадок», как рудимент давней стадии развития разума – «полудикой», промежуточной между природой и культурой (прикосновение, объятие, разговор по душам, вера, надежда, «любви старинные туманы»...). Соответственно этому новому мироощущению возникает и дисциплинарное поле – *экогуманистика*, как не только теория, но и практика сбережения, *музеефикации* человеческого.

Параллельное становление экогуманистики и **техногуманистики* отражает двунаправленную эволюцию самого человека: как *natura naturata*, природного творения – и *natura naturans*, творца второй, искусственной природы (культуры, техники). Человек одновременно экологизируется – как природное творение и технизируется – как творец автономных форм искусственного разума, с которыми сам постепенно интегрируется.

Как пример только что возникшего предмета экогуманистики можно привести рукописание – маленький заповедник человеческого в мире компьютерной печати. Рука, уже привыкшая нажимать клавиши, вдруг заново ощущает свою человечность, вода пером по бумаге. Раньше акт письма не воспринимался как собственно человеческий, поскольку имел функци-

ональную нагрузку: передача информации. В компьютерный век письмо, уступая эту функцию машине, заново открывает свою телесность. Писание – откровение о личности, интимное обнаружение ее психомоторных свойств. Писание – это нечто «дикое» в сравнении с печатанием: ритуальный танец руки, разновидность хореографического искусства. Само это явление рукописания существовало издавна, но предметом экогуманистики становится впервые именно в своем исчезающем и новооткрытом качестве: как устаревший способ коммуникации, как проявление тактильно-жестиккулярных свойств, рецидив и рудимент человеческого в постчеловеческой цивилизации.

В область экогуманистики постепенно переходят книги и другие печатные издания, поскольку они соразмерны телесности человека и оказываются избыточными для передачи информации в более плотно упакованном электронном виде. Технизация человеческих способностей, их передача машине ускоряет процесс архаизации и экологизации самого человека как природного существа. Со временем функция человеческого, возможно, будет закрепляться за искусственно изолированными, охраняемыми *эко-объектами* (eco-objects), подобно тому как природа в настоящем, «первозданном» виде сейчас существует за оградой заповедников. Такие плантации, заповедники или натуральные музеи человеческого будут принимать самые причудливые формы, как некомпьютеризированные островки «естественной цивилизации» прошлого.

Свойства человеческой телесности, субъективности, духовности тоже могут быть помечены знаком «эко» и становиться предметом экогуманистики. Соответственно, словарь гуманитарных наук обещает пополниться множеством новообразований, включающих *эко-* (eco-) и *ретро-* (retro-) как первую составную часть сложных слов:

– *эко-индивид* (eco-individual) – индивид, избегающий пребывания в техносреде, предпочитающий общение с природой и традиционные формы культуры;

– *эко-эго* (eco-ego) – человек, сосредоточенный на моральном и психологическом развитии своей личности без использования технических средств расширения памяти, восприятия, переработки информации;

– *эко-спиритуальность* (eco-spirituality) – духовные искания в области традиционных религий и культур, без использования новейших технопрактик прямой стимуляции мозга, нейронных имплантов и пр.;

– *ретро-субъект* (retro-subject) – человек, склонный к тем формам поведения и коммуникации, которые развивались вплоть до XX века, например предпочитающий личное общение виртуальному;

– *ретро-сексуал* (retro-sexual) – человек, предпочитающий естественные способы сексуального общения, без технических усилителей, виртуальных раздражителей, нейростимуляторов и пр.

Экогуманистика, как одно из направлений гуманитарных наук, обживает проблемную нишу «естественного» человека, который не подвергся существенным техническим трансформациям, остается в природе и культуре – в рамках той видовой формы homo sapiens, которая была единственной до XXI века.

Параллельно с ускоренным формированием техносреды возможно возникновение встречных движений *экогуманизма* (ecohumanism), который предполагает полный или частичный отказ от компьютерной техники в интеллектуальных и образовательных процессах с целью всестороннего развития естественного разума (см. *умоделие). Соответственно, появится *экопедагогика* (ecopedagogy) – теории, практики, учебные заведения, которые будут отказываться от использования компьютеров в образовательном процессе.

*Археософия, Прото-, *Техногуманизм*, *Техногуманистика*, *Умоделие*,
Хоррология, Экофашизм
Творчество. С. 127–131.

Humanities. P. 80, 138–139, 292.

ФИЛОСОФИЯ

Альтерология
Амби- (приставка)
В (предлог)
Всеразличие
Грамматософия
Действия философские
Интенсивность
Конструкционизм, конструирование как метод
Концептивизм
Лирическая философия, лирософия
Материософия
Микрометафизика
Мудрость
Мультиверсалия
Мыслительство
Полисофия
Самое-самое
Синтез языка, синтетическая философия
Софийные дисциплины
Софионика
Софиосфера
Софиофилия, мудролюбие
Тавтософия
Тэизм (the-ism)
Умножение сущностей
Универсализм критический
Универсика
Универсальный принцип
Filosofia
Философование
Фольксофия, народомудрие
Чувства философские
Экзистология и эссенциология

АЛЬТЕРОЛОГИЯ

АЛЬТЕРОЛОГИЯ (alterology; лат. alter, другой (из двух)). Совокупность альтернативных теорий и практик; изучение и создание *иного* по отношению к данному. Поскольку смысл каждого явления определяется его отличием от других явлений того же рода (категории), альтерология есть способ понимания и сотворения смыслов через систему различий. Философские основы альтерологии – феноменология Э. Гуссерля, диалогизм М. Бубера и М. Бахтина, философия другого у Э. Левинаса. Основные вопросы альтерологии: каково то другое, по отношению к которому определяется данное? Каковы те другие, по отношению к которым определяюсь я сам?

Альтерология – это теоретический и практический поиск альтернативного: в искусстве, в науке, в политике, в личностном самоопределении, в профессиональной деятельности. Альтерология позволяет не только понять ценность и насущность другого, но и смысл «своего», «наличного», поскольку их различение и смыслообразование совершается одним мыслительным или экзистенциальным актом. В отличие от оппозитивного мышления «тезисом» и «анти-тезисом», в альтерологии другое не противопоставляется данному, а сочетается с ним «неслиянно и нераздельно». Альтернативное ничему не тождественно и ничему не противостоит, оно – иное, несводимое к категориям единства, борьбы, отрицания, исключения.

Альтерология играет многообразную роль в физике (принцип «дополнительности»), этике (модус отношения к «другому», «ближнему»), эстетике (видение предмета «другим», остранение), теологии (взаимоотношения ипостасей Бога), *креаторике (поиск аномалий и альтернатив, выводящих за предел данной системы). Наряду с известными формами альтернативности, такими как политическое диссидентство (инакомыслие), альтернативная медицина, альтернативное образование, существует множество других, еще не артикулированных ее проявлений, как путь к динамике и инновациям внутри любой деятельности и как модель творческого мышления.

Любое аналитическое определение предполагает наличие того, что *сопределительно определяемому*, то есть содержит в себе косвенное указание на соотносимый, со-о-предел-яемый, альтернативный предмет, который следующим, синтетическим актом мышления вводится в состав культуры. Как альтернатива феноменологии обосновывается возможность *тегименологии – изучающей множественные слои предмета в связи с тем, что они скрывают собой. Альтернатива сексологии – *эротология, гуманитарная наука о любви, о культурных и созидательных аспектах эроса³⁶. Так очерчиваются и альтернативные понятия (*инфиниция по отношению к дефиниции), альтернативные знаки (*«», как альтернатива письменным знакам).

*Всеразличие, Потенциация, Потенциосфера, Тэизм, Умножение сущностей

Из тоталитарной эпохи – в виртуальную: К открытию Книги Книг // Русский журнал. 17.04.1998.

Возможное. С. 65–66, 69.

АМБИ-

АМБИ- (ambi-; гр. amphí – вокруг, с обеих сторон). Приставка, указывающая на двойственность или обратимость данного явления, которое включает и свою противоположность.

В научный язык уже вошло слово «амбивалентность» – сочетание противоположных отношений к одному объекту (хвала и хула, увенчание и осмеяние). Термин был введен швейцарским психиатром Э. Блейлером (1910) для описания противоположных чувств и установок по отношению к одному объекту. В 1912 году З. Фрейд описал амбивалентность пациента в работе о человеке-крысе: «В нашем влюбленном бушевала борьба между любовью и ненавистью, которые предназначались одной и той же персоне». В русский гуманитарный язык этот термин ввел М. Бахтин: «эти ругательства-срамословия были амбивалентными: снижая и умерщвляя, они одновременно возрождали и обновляли» («Творчество Франсуа Рабле...»).

Эта же приставка может прилагаться к тем контрастным общественным движениям или направлениям мысли, которые используют общий набор понятий. Например, *амбимарксизм* (ambi-Marxism) – это общая составляющая марксизма и антимарксизма: они вращаются в

³⁶ Эти и многие другие гипотетические, альтернативные дисциплины: микроника, универсика, реалогия, семиургия, тривиалогия, «нулевая дисциплина» – предложены в моей книге «Знак пробела» (с. 396–787).

одном кругу идей (материализм и диалектика, капитализм и революция), хотя и дают им противоположную оценку.

Амбиментальность (ambimentality) была в высшей степени свойственна Василию Розанову, который ревностно писал за левых и правых, совмещал в себе юдофила и юдофоба.

Амбирадикализм (ambiradicalism) – сходство или обратимость левого и правого радикализма. Радикализм XX века выразился в двух знаменитых фразах. Одна – отгалицивавшая: «Когда я слышу слово “культура”, я хватаюсь за револьвер» (Й. Геббельс). Другая – благородная: «Писать стихи после Освенцима – варварство» (Т. Адорно). Трудно найти более несовместимые фигуры: нацистский министр пропаганды Третьего рейха – и критический философ, антифашист, борец с «авторитарной личностью». Между тем их высказывания обнаруживают близость: оба выносят приговор культуре (и поэзии как ее проявлению). Культуре противопоставляется «здоровое» варварство войны – или сама культура объявляется варварством перед лицом войны и ее невинных жертв. Такова логика *амби-*, в данном случае относящаяся к обратимости правого и левого радикализма.

Там, где есть «анти-», всегда возможно и «амби-». Отсюда такие понятия, как «амбикоммунистический», «амбисоветский», «амбифашистский» и пр. При этом черта между «про» и «контра» сохраняется, даже проводится с максимальной резкостью – но трактуется как ось симметрии, не только разделяющая, но и соединяющая противоположные учения. Чтобы выйти за рамки данной идеологии, следует вынести за скобки ее оценочные знаки, плюсы и минусы, – тогда она воспринимается амбивалентно, как целостная парадигма.

**Амбинатия, Амбирелигия, Амбитеизм, Амбиутопия, Двоечувствие, Катарсис мысли, Контраформатив, Противозовие (в этике), Противоирония, Противочувствие, Реверсивность*
ПСФ. С. 16–17.

«В»

«В» (in, into). Предлог, одно из двух самых частых по употреблению слов в русском языке (наряду с союзом «и»); философская категория, указывающая на пребывание вещей «одна в другой» («всё во всём»).

Философская значимость предлога «в», как и других грамматических слов, форм и правил, относится к тому разделу философии языка, который называется **грамматософией*. Служебные слова – важный источник пополнения философской терминологии, в которой традиционно преобладали знаменательные слова. В большинстве европейских языков самым частотным словом – и важнейшей философемой – является определенный артикль, выделяющий предмет из класса ему подобных (**теизм*). В русском языке на первое место выдвигается другое фундаментальное свойство – не «выделенность», а «вмещенность»³⁷. Если определенный артикль «the» указывает, что *ничто не может быть, не будучи чем-то* (этим, а не другим), то предлог «в» подразумевает: *ничто не может быть, не будучи в чем-то*. *В-модус* определяет пребывание всякой вещи внутри другой: даже самое малое что-то вмещает, даже самое великое чем-то объемлется. Вещь определяется не отличием от другой вещи, но через то большее, в чем она заключена. Через *в-модус* любая вещь предстает окруженной и окружающей, притом что эти круги входят друг в друга, как звенья одной цепи: окружающее само

³⁷ По данным «Частотного словаря русского языка» под ред. Л. Н. Засориной (1977), из каждого миллиона словоупотреблений на предлог «в» («во») приходится 43 тысячи, то есть в среднем «в» – каждое 23-е слово в тексте. По данным новейшего частотного словаря Ольги Ляшевской и Сергея Шарова (2009), «в» – каждое 32-е слово. На первом месте слово «и» с 36 тысячами вхождений на миллион, на втором месте «в» с 31 тысячей, на третьем «не» с 18 тысячами, на четвертом «на» с 16 тысячами, на пятом «я» с 13 тысячами.

окружается тем, что оно окружает. Мы застаем свое «я» – в мире, а мир – в себе. Что было в начале: курица или яйцо? Так как яйцо пребывает в курице, а курица в яйце, то ответить на этот вопрос можно только одним логическим способом: в начале было «в».

Библия, как известно, начинается предлогом «в»: «В начале сотворил Бог небо и землю». Само «в» (на иврите «Бе-решит», «в начале») образует начало всего, до самого разделения неба и земли. Знаменательно, что у кириллической буквы «в», происходящей от греческой «беты», общее происхождение и сходное начертание с ивритским «бет» (от финикийского алфавита, где она, как и позже в иврите, имела самостоятельное значение «дом», то есть пространство «в», внутри).

«Всё содержит в себе долю всего», или «всё во всём» – принцип, провозглашенный еще Анаксагором. В классической философии (Декарт, Спиноза, Лейбниц) сложился образ «*великой цепи бытия*», которая непрерывностью сцеплений ведет от несовершенных творений к более совершенным и к самому Творцу, так что невозможно изъять из этой цепи никаких звеньев – они нужны для полноты мироздания³⁸. «В» – способ скрепления «великой цепи бытия»: окружающее само окружается тем, что оно окружает; одно звено сцепляется с другим, одновременно *охватывая* и *охватываясь*. Расплетая «великую цепь», мы получаем отдельные разорванные звенья: «бытие» и «познание», «материя» и «дух», «объект» и «субъект» и другие более частные познавательные категории. Но скрепляющая основа всего – то, что держит все эти звенья вместе, соединяет их и делает цепью – «в».

По словам Паскаля, «с помощью пространства Вселенная охватывает и поглощает меня, а вот с помощью мысли я охватываю Вселенную» («Мысли»). Именно *взаимоохват* этих двух кругов создает самого человека как узел ввернутости-вывернутости, как главное «в» мироздания. Мир охватывает человека в точке его тела, а человек охватывает мир в круге своего сознания. Отсюда двойственное положение человека в мироздании, как страдающего и мыслящего существа. По словам К. Ясперса, «объемлющее, которое есмь я, как бы объемлет объемлющее, которое есть само бытие, и одновременно объято им»³⁹. Таким образом, наибольшее оказывается *в* наименьшем, и этим замыкается структура кольцевания: всё, охватывая собой «ничто» (как называет сознание Сартр), само оказывается внутри него. Мыслящая личность – это и есть точка взаимосцепления наибольших колец, бесконечной вселенной и бесконечного сознания. Итак, кратчайшим ответом на вопрос об отношении сознания и бытия может послужить буква «в», она же – морфема, слово, понятие и философская категория. Нельзя полностью объяснить, *в* чем смысл или причина этого «в», потому что «в» очевидным образом предшествует самому вопросу и деятельности сознания *в* мире. Само разделение на бытие и сознание есть следствие того, что для «в» требуются соответствующие структуры: звенья, кольца, горизонты, окружающее и окружаемое... Эти две рамы: бытие и сознание – вставлены друг в друга так, что динамически чередуются в порядке взаимных обрамлений. Сознание охватывается миром (материально) и одновременно охватывает его (идеально), и потому нам дано их знать только в модусе «в»: как сознание-в-мире и мир-в-сознании. «Все во мне, и я во всем» (Ф. Тютчев).

Философии еще только предстоит ввести в поле своего анализа те грамматемы-философемы, которые бессознательно пронизывают язык, то есть совокупное мышление всех говорящих. В-модус указывает на возможное решение «основного вопроса» философии об идеальном и материальном. Философская система, *конгениальная языку* в его глубинном синтаксисе и в сумме всех речевых актов о мире, начинается не с понятий бытия или сознания, а с того простейшего, что включает их друг в друга, – с предлога «в». Я всегда застаю свое сознание

³⁸ Lovejoy A. O. The Great Chain of Being. A Study of the History of an Idea. New York: Harper & Row, Publishers, 1965. P. 52.

³⁹ Ясперс К. Философская вера // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 427.

уже в мире, и вместе с тем всегда застаю мир внутри своего сознания. Первично именно «в» – взаимная окольцованность субъекта и объекта познания, их вложенность друг в друга.

*Грамматософия, Тэизм, Частотный словарь как философская картина мира

Предлог «В» как философема // Вопросы философии. 2003. № 6. С. 86–95.

Знак. С. 228–253.

ВСЕРАЗЛИЧИЕ

ВСЕРАЗЛИЧИЕ (total difference, pan-difference). Различие как первоначало, из которого развиваются все свойства и явления мироздания. Принцип всеразличия позволяет критически пересмотреть идею «всеединства», укоренившуюся в неоплатонизме, патристике, а затем в классической немецкой и в русской философии.

Начиная с Вл. Соловьева принцип всеединства господствовал в русской мысли, противопоставляясь индивидуализму в этике и эмпиризму в науке, что привело, в крайних своих проявлениях, к тоталитарным практикам насильственной «соборности», народности, коллективизма. При этом выдвигались разные версии всеединства: идеалистические и теологические – у А. Хомякова, Вл. Соловьева и их последователей; материалистическое единство мира – в государственно утверждаемой философии марксизма-ленинизма.

На рубеже XX – XXI веков, отчасти в связи с крахом советского тоталитаризма, меняются философские ориентации, и теперь основной проблемой предстает уже не взаимоотношение материального или идеального единства мира, а ограниченность самого принципа всеединства, который все более оттесняется принципом всеразличия. Проявления его многообразны: от идеи «différance» Жака Деррида до теории и политики «многокультурия» (multiculturalism). Основателем *философии всеразличия* может считаться Г. В. Лейбниц, у которого она приобретает форму плюрализма и монадологии. «...Никогда не бывает в природе двух существ, которые были бы совершенно одно как другое и в которых нельзя было бы найти различия...»

⁴⁰ В начале многих философских систем лежит некое первопонятие, из которого выводятся все остальные. В древнегреческой философии такими первоначалами выступали стихии воды (Фалес) или огня (Гераклит), понятия числа (Пифагор) или бытия (Парменид). Европейская философия умножила число первоначал: у Декарта – мышление, у Фихте – «я», у Гегеля – абсолютная идея, у Шопенгауэра – воля, у Маркса – материя... Всякий раз ищется нечто такое, что заключало бы в себе основу всего. Но если начала, авторитетно утверждаемые крупнейшими мыслителями, оказались столь различны, то не следует ли само Различие полагать началом всех начал? Если Бытие определяется как таковое лишь в своем отличии от Не-бытия, следовательно, Различие предшествует как тому, так и другому.

Как заметил еще Гегель, «если тождество рассматривается как нечто отличное от различия, то у нас, таким образом, имеется единственно лишь различие» ⁴¹. В любой системе, где имеется n тождеств, имеется $n+1$ различий. Различие предшествует тождеству, поскольку тождество само отличается от различия и является лишь одним из моментов его отличия от себя. Движение, дисбаланс, асимметрия неустранимы из мироздания именно в силу изначального преизбытка различия над тождеством. Отсюда и поступательно-саморазличаю-

⁴⁰ Лейбниц Г. В. Монадология, 9 // Лейбниц Г. В. Соч. в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1982. С. 414.

⁴¹ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук, т. 1. М.: Мысль, 1974. С. 272. Сам Гегель, однако, начал построение своей системы именно с неразличности – с «бытия, чистого бытия», которое «не имеет никакого различия ни внутри себя, ни по отношению к внешнему» (Там же. С. 84). Соответственно, и в итоге своем система приходит к неразличности: «Таким образом, и логика возвратилась в абсолютной идее к тому простому единству, которое есть ее начало... путем снятия опосредования, к своему соответствующему равенству с собой» (Гегель. Наука логики. М.: Мысль, 1972. Т. 3. С. 309).

щий характер таких оппозиций, как «культура – природа», «интеллектуальное – чувственное», «означающее – означаемое», где первое понятие уже содержит свое отличие от второго. Оппозиция культуры и природы сама принадлежит системе культуры; оппозиция означающего и означаемого принадлежит плану означающего. Только различие имеет основание само в себе, ибо все другое имеет основание в своем отличии от другого.

Принцип всеразличия нельзя отождествлять с *плюрализмом*, который допускает, что начал может быть сколь угодно много. Плюрализм предполагает безразличное принятие всего того, что само в себе глубоко различно. Различие имеет собственную безусловную ценность и обоснование в себе самом. «Отличное», как свидетельствует язык, есть не только то, что несходно с другим, но и то, что превосходит другое. «Хорошее» и «плохое» в равной степени отличаются друг от друга, но само это различие между ними прибавляется к хорошему и содействует его преобладанию над плохим. По мысли К. С. Льюиса, «живые существа тем больше разнятся, чем они совершенней. Созревая, каждое благо все сильнее отличается не только от зла, но и от другого блага»⁴². Это означает, что благом является и само по себе различие, коль скоро оно способствует созреванию других благ; а отсюда следует, что по мере различения благ и зол Блага становится больше, чем Зла.

Философия всеразличия предполагает критическое отношение не только к понятию всеединства, но и к категории противоположности и противоречия. Любое явление обладает множеством признаков и потому никогда не противоположно другому явлению, а только отличается от него. Противопоставлять можно только признаки, отвлеченные от вещей: черное и белое, высокое и низкое. Между ними – противоположность, но между высоким и низким домом или высоким и низким человеком – уже не противоположность, а только различие, поскольку и дом, и человек обладают множеством других признаков, частью сходных, частью несходных. Нет вещей, состоящих из одного признака; и поэтому каждая, в своей целостности, в сочетании многих признаков, лишь отличается от другой.

И тождество, и противоположность – это лишь абстрактные допущения в определенных логических интервалах; например, по признаку «холодного-горячего» все холодные вещи тождественны между собой и противоположны горячим. Но между холодной и горячей водой гораздо больше сходств, относящихся к физическим свойствам и химическому составу воды (влажность, текучесть...). Тождество и противоположность – это две абстракции различия, разрывающие его живую сердцевину и переходящие в «единство и борьбу противоположностей». Мышление подлинно творческое, восходящее от абстрактного к конкретному, движется в логическом пространстве различий, между Сциллой тождеств и Харибдой противоположностей. Здесь действует правило: «ничему не противостоять, ни с чем не отождествляться». Философия всеразличия во многом перекликается с учением Жака Деррида о *différance* как безначальной и бесконечной игре различий. Есть, однако, и существенные различия. Всеразличие *личностно*, что выявляется корневой системой русского языка: *лик – лицо – личность – различие* (*différance* имеет другую этимологию: латинское *differre, dif-ferre*, разделять, различить). Первоначальное Различие не может различать ничего ни с чем, кроме как *себя с собой*. Следовательно, правильный вопрос: не *что* лежит, а *кто* стоит в основании всех оснований? Всякое «что» отличается лишь от другого, и только «кто» может отличаться от самого себя. Способность иметь себя в качестве иного – свойство Личности: это различие, из себя происходящее и себя производящее. Сначала «кто», и лишь потом «что», сначала отличие от себя, потом отличие от другого.

Библейская картина миротворения с самого начала показывает, что собственно творческим и первичным является акт различения. Творится не одно, а два: земля и небо – а дальше все разнообразие мира: отделение света от тьмы, воды от суши... «При конце этого мира, –

⁴² Льюис К. С. Расторжение брака // Льюис К. С. Любовь. Страдание. Надежда. М.: Республика, 1992. С. 79.

писал Ориген, – будет великое разнообразие и различие, и это разнообразие, полагаемое нами в конце этого мира, послужит причиной и поводом новых различий в другом мире, имеющем быть после этого мира»⁴³. Чем больше различий, тем полнее является в них образ самой *Личности*, творящей мир.

*Альтерология, Тэизм, Умножение сущностей, Этика
дифференциальная
Учение. С. 211–254.
Transcultural. P. 91–112.
Возможное. С. 166–173, 190–196.

ГРАММАТОСОФИЯ

ГРАММАТОСОФИЯ (grammatosophy). Раздел философии, который рассматривает фундаментальные отношения и свойства мироздания через грамматику языка, в том числе через анализ служебных (грамматических) слов, а также грамматических форм и правил. Служебные слова (grammar words) – важный источник пополнения философской терминологии, в которой традиционно преобладали существительные и прилагательные. Слова с грамматическим значением, лишенные лексической определенности, принадлежат к самым частотным в большинстве языков и обозначают самые общие отношения вещей и способы членения мысли.

Одним из упущений философии в минувшие века было то, что она работала почти исключительно с именными частями речи и почти никогда – с глаголами, наречиями и служебными словами. Основные слова-понятия, закрепленные в философских учениях прошлого, – это, как правило, существительные. Бертран Рассел отмечал в «Проблемах философии» (1912): «Даже среди философов широко признаются только те универсалии, которые обозначаются именами прилагательными и существительными, тогда как обозначаемые глаголами и предлогами обычно упускаются из виду. Этот пропуск имел очень большие последствия для философии; без преувеличения вся метафизика после Спинозы преимущественно определялась этим обстоятельством. Прилагательные и имена нарицательные выражают качества или свойства единичных вещей, тогда как предлоги и глаголы большей частью выражают отношения между двумя и более вещами»⁴⁴. Абстрактные понятия – существительные и прилагательные (типа «дух», «материя», «бытие», «идея», «движение», «единое», «прекрасное», «трагическое»), которые доминируют в словаре классической философии, представляют мир назывательно, статично и провоцируют редукцию всех конкретных явлений к немногим общим понятиям. Поставленные, например, перед выбором, «считать ли первичным бытие или сознание» или «как согласуются законы природы со свободой воли», мы оказываемся в плену тех философских решений, которые продиктованы самой структурой данного языка, основанного на примате существительных. Такой язык субстантивирует мир, то есть превращает его в набор предметностей – идеальных или материальных, психических или физических. Однако у философии есть огромный и еще почти не тронутый языковой ресурс – *грамматические слова*: предлоги, союзы, частицы, артикли, а также местоимения. Для ответа на самые глубокие философские вопросы, для выражения *отношений* между сознанием и бытием или личностью и историей нам нужно искать категории не среди имен, а среди предлогов или других грамматических слов. Они относятся к конкретным явлениям не *редуктивно*, как общее к частному, а *реляционно* и *конструктивно*, как множители и преобразователи конкретных значений. Например, предлоги «в» и «с», союзы «как» и «что», частицы «бы» и «ни», падежи

---

⁴³ Ориген. О началах (2.1.3). СПб.: Амфора, 2000. С. 98.

⁴⁴ Universals and Particulars: Readings in Ontology / Ed. by Michael J. Loux. Notre Dame, London: University of Notre Dame Press, 1976. P. 27–28.

существительных и лица глаголов обладают собственной значимостью, которая бессознательно актуализируется во множестве речевых актов. С философской точки зрения грамматические слова и формы, именно в силу своей «формальности», обладают смысловым преимуществом перед теми категориями, которые выражаются лексически полновесными, знаменательными словами. Такое слово в качестве философской категории навязывает свое значение тем явлениям, которые под эту категорию подпадают. Например, понятие «материи» покрывает все разнообразие материальных явлений, от мухи до слона, от цветка до горы, вмещает их в себя и категориально замещает их собой. *Грамматическое слово*, напротив, не подводит «под себя» другие слова, не обобщает явления, а показывает разные способы их сочетаемости, соотносимости, которая и образует самый глубинный слой мыслимого.

Например, предлог «с» указывает на такое значение совместности, соединения, которое может относиться к самым разным явлениям и лицам («я с друзьями», «дождь со снегом»), не подводя сами эти явления под категорию «единство». Этот предлог «с» и синонимичные приставки «с- (со-)» и «син- (сим-)» существенны для понимания терминов и категорий, определяемых соотносимостью и взаимодействием разных явлений, таких как *смысл, *событие, *синтопия, *симтактия, *симпсихоз (см. также *диаверс). Частица «бы» указывает на значение сослагательности, к какому бы действию оно ни относилось («пошел бы», «увидел бы»), в то же время предоставляя данным действиям свободу относиться к другим *модальностям, – в отличие от предметно-номинативной категоризации, где «идти» подпадало бы под категорию «движения», а «видеть» – под категорию «чувственного восприятия». Предлоги, союзы, частицы и другие «грамматические» слова и формы, такие как падежи, лица, формы залога и склонения, не обобщают и не замещают конкретные предметности-мыслимости, а напротив, раскрывают множественность их отношений и соответственно умножают оттенки их значений («свобода *от*», «свобода *в*» и «свобода *для*» – разные смыслы свободы).

Грамматософия, как раздел философии, призвана изучать ту значимость и категориальность, которая потенциально содержится в грамматических словах, формах и правилах, выражающих самые фундаментальные отношения мироздания. Классические трактаты Серена Кьеркегора «Или – Или» (Enten-Eller, 1843) и Мартина Бубера «Я и Ты» (Ich und Du, 1923) представляют собой опыты философского осмысления и категоризации таких «незаметных» и вездесущих формальных слов.

По замечанию Л. Витгенштейна, «*сущность* ярко выражается в грамматике. <...> О том, какого рода объектом является нечто, дает знать грамматика. (Теология как грамматика.)»⁴⁵ Имеется в виду, что грамматика охватывает высшие, «богооткровенные» законы мышления, которые предписаны языку в виде аксиоматических правил и обычно не подлежат осознанию и обсуждению. Грамматика – это не то, *что* мы думаем, а *то, что думает нами*; это бессознательное нашего мышления. Философия как раз пытается прорваться к сущностям, которые лежат по ту сторону предметных слоев языка и мышления. Поэтому философия – это прежде всего *грамматософия*

⁴⁵ Витгенштейн Л. Философские исследования, 371, 373 // Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. 1. С. 200.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.